This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD LIBRARIES

DK
511
E6K4

KHARUZIN
PIUKHTITSA-SVIATOE
MIESTO: BYTOVOI
OCHERK IZ...

Acquired through the

HOOVER INSTITUTION

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

Kharuzin

Михаилъ Харузинъ.

ПЮХТИЦА — СВЯТОЕ МѢСТО.

Бытовой очеркъ изъ Балтійской дѣйствительности.

«Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна».

Ревель.

Печатано въ Типографіи Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

1888.

Kharuzin, M.N.

МИХАИЛЪ ХАРУЗИНЪ.

ПЮХТИЦА — СВЯТОЕ МѢСТО.

Бытовой очеркъ изъ Балтійской дѣйствительности.

«Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна».

Ревель.

Печатано въ Типографіи Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

1888.

TK

DK511
E6K4

Дозволено цензурою. — Ревель, 28-го Іюля 1888 года.

«Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

1.

Общія замѣчанія.

Верстахъ въ шестнадцати на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера на границѣ трехъ областей съ совершенно различнымъ другъ отъ друга бытовымъ обликомъ и историческимъ прошлымъ областей нынѣ называемыхъ губерніями Эстляндской, Псковской и Петербургской находится *Пюхтица — Святое мѣсто*. Называемая такъ мѣстность обнимаетъ собою высокій холмъ, часовню на вершинѣ его и источникъ у подошвы холма.

Мѣстность эта, лежащая въ живописной глуши и вдали отъ большихъ путей сообщенія, мало кому извѣстна въ Россіи; между тѣмъ она вмѣстѣ съ окрестностями прилегающими къ ней на сотни верстъ въ окружности полна громаднаго значенія для исторіи нашего народнаго самосознанія. Въ тишинѣ и неизвѣстности вѣками велась здѣсь

какъ на передовомъ посту упорная, ожесточенная борьба тевтонской культуры противъ славянской. Пришедшимъ сюда нѣмецкимъ насельникамъ балтійскаго поморья мѣшала при исполненіи ихъ замысловъ, близость и обаяніе Руси и они напрягали всѣ усилія для того, чтобы отбросить возможно далѣе на востокъ этотъ мѣшающій имъ факторъ, эту силу грозную для нихъ, обаятельную для туземцевъ. Культурная борьба эта велась со счастіемъ перемѣннымъ въ отдѣльныхъ своихъ моментахъ, но въ общемъ итогѣ вплоть до XVIII столѣтія удачнѣе для защищающихся славянъ чѣмъ для пришлыхъ и нападающихъ тевтоновъ. Но наступила та эпоха отреченія Россіи отъ народныхъ своихъ завѣтовъ, та эпоха легкомысленныхъ увлеченій и погони до самоуниженія за культурными *мелочами* Европы, та эпоха духовнаго рабства нашего, которая къ нашему общему несчастію сопровождала мудрыя *въ самой основѣ своей* начинанія Петровы и которая столь обильна была политическими промахами вслѣдствіе небреженія самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ нашего историческаго прошлаго. Съ этой то поры начала ослабѣвать въ данной мѣстности, — на этомъ передовомъ нашемъ посту, славян-

ская народная стихія, будучи лишена здѣсь поддержки и предоставленная въ своей защитѣ исключительно самой себѣ и въ то же время оторванная отъ прочей Руси обособившимся отъ прочихъ частей нашей страны мѣстнымъ строемъ. Именно за два послѣдніе вѣка Русскій элементъ въ этой мѣстности потерпѣлъ громадныя пораженія едва-ли вознаградимыя въ ближайшемъ будущемъ.

Въ этотъ то рѣшающій моментъ занялась вдругъ новая заря, предвѣщающая иную историческую эру, идущую на смѣну т. н. петербургскому періоду нашей государственной и общественной жизни, отходящему нынѣ въ вѣчность. Въ тоже самое время съ новымъ ожесточеніемъ возгорѣлись и натиски балтійскаго нѣмечества на Пюхтицкій край, этотъ передовой русскій пунктъ, съ цѣлію покончить возможно скорѣе съ нимъ. Съ новой силой возгорѣлось однако и сопротивленіе защитниковъ ощутившихъ въ себѣ приливъ новыхъ нравственныхъ силъ вмѣстѣ съ возродившеюся надеждою на то, что время тяжкихъ испытаній для мѣстнаго русскаго [illegible] скоро минуетъ безповоротно.

Живые слѣды всѣхъ моментовъ [illegible] грандіозной и поучительной [illegible]

эпопеи, совершавшейся въ этомъ по внѣшнему виду столь мирномъ деревенскомъ затишьѣ можно наблюдать и понынѣ, частію въ мѣстныхъ памятникахъ, частію въ передаваемыхъ окрестнымъ народомъ изъ устъ въ уста преданіяхъ.

Посрединѣ обширной равнины подымается съ тремя уступами на вершинѣ своей обширный и высокій холмъ на самомъ рубежѣ двухъ культурныхъ міровъ: по одну его сторону остается вся православная Русь, по другую — въ плоть до моря разстилается наша онѣмеченная балтійская окраина. На первомъ уступѣ вершины этого холма скромно пріютилась деревянная часовенка съ восьмиконечнымъ крестомъ; покрыта она тесомъ, выкрашена охрой, кое гдѣ полиняла, кое гдѣ погнила, и носить ликъ нищенской убогости. На слѣдующемъ уступѣ того же холма всего въ ста десяти саженяхъ отъ этой православной часовни прямо такъ сказать *надъ ней* высится вверхъ обширное каменное строеніе въ готическомъ стилѣ, строеніе новое, еще не доведенное до конца — лютеранская кирка. Гордо стоя на вершинѣ холма она господствуетъ надъ всей мѣстностью и видна взору на далекое разстояніе. Тому кто стоитъ у подош-

вы холма кажется что кирка эта всею тяжестію своей громады насѣдаетъ на самыя плечи скромной нашей часовенки, словно хочетъ раздавить ее.

— Что это? удивленно спрашиваетъ всякій новый пришелецъ.

— Это и есть новѣйшій памятникъ происходящихъ въ данной мѣстности вѣковыхъ посягательствъ нѣмечества на русскую народность, близость коей всегда мѣшала — какъ это мы сейчасъ увидимъ — осуществленію ихъ завѣтныхъ желаній.

Дѣло въ томъ, что нѣмецкіе натиски въ этой мѣстности, преслѣдуя всегда одну и ту же цѣль, мѣняли однако средства и родъ оружія, всякій разъ приспособляясь къ потребностямъ времени, сообразуясь съ условіями эпохи.

Въ былое время здѣсь происходили кровопролитныя схватки: могилы русскихъ воиновъ и по сей день показываютъ мѣстные жители подлѣ Пюхтицкой часовни, приурочивая ихъ по преданію ко бременамъ Александра Невскаго, защищавшаго свободу славянскаго Сѣвера и къ эпохѣ Ивана Грознаго, возвращавшаго своей Державѣ исконную свою «вотчину», силою захваченную иноплеменниками. Нынѣ культурную свою борьбу нѣмечество ведетъ здѣсь

инымъ оружіемъ, оружіемъ духовнымъ — въ формѣ борьбы лютеранства съ православіемъ, издавна здѣсь распространившимся.

Въ былое время побѣду здѣсь рѣшали булатъ и копье. Въ наши дни — лютеранская кирка, лютеранская проповѣдь и нѣмецкая школа, насильно навязываемыя населенію властной нѣмецкой рукой.

Наконецъ нѣмецкіе рыцари, нападавшіе въ былое время на противную имъ Русь въ открытой равнинѣ, нынѣ вызываютъ ее на бумажное поле, нападая на нее чрезъ печать. По увѣренію самихъ нашихъ противниковъ за рубежами русскаго государства выросла «цѣлая литература» посвященная Пюхтицкой мѣстности: памфлеты на Россію, на русскихъ людей, на русское правительство, лишь только они выступили наконецъ въ защиту интересовъ русскаго народа въ этой мѣстности, стали появлятся не на одномъ только языкѣ нѣмецкомъ, но даже и на италіянскомъ.

Принимаемъ и мы это новое оружіе, коимъ ополчился противъ насъ нашъ вѣковой культурный противникъ и съ помощію же гластности и печати выступаемъ противъ него. Не принимаемъ мы лишь самыхъ тѣхъ методовъ какія онъ избралъ при поль-

зованіи гластностью: мы не унизимся ни до злостной клеветы при оцѣнкѣ его дѣятельности въ Пюхтицкомъ краѣ, ни до извращенія фактовъ, ни до злобной брани столь обычныхъ въ зарубежныхъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ балтійскихъ рыцарей, а повѣдаемъ одну правду.

За то правда наша явится не прикрытою никакими соображеніями лжеделикатнаго свойства: всякія умышленныя и въ сущности вовсе ненужныя замаскировыванія и стушевыванія кричащихъ, вопіющихъ фактовъ послужатъ лишь на пользу врагу и принесутъ вредъ нашему же дѣлу. Дѣло же наше — правое дѣло, и свѣта намъ бояться не приходится.

Пусть же вѣдаетъ наконецъ Россія то, что такъ долго въ тихомолку отъ нея творилось въ этомъ глухомъ ея уголкѣ.

2.

Уроки минувшихъ временъ.

Безъ борьбы, безъ насилій въ мирѣ и тишинѣ органически совершался внутренній ростъ русской земли. Исполинская равнина едва умѣстившаяся на цѣлой шестой части всей нашей планеты и самой природой предназначенная для единаго политическаго тѣла, искони была заселена

различными племенами, находившимися на той или иной ступени культурнаго развитія.

Племя славянское наиболѣе изъ всѣхъ многочисленное, наиболѣе сильное, наиболѣе предпріимчивое, двигаясь на сѣверъ, на западъ, на востокъ постепенно одолѣвало громады пространства, заселяло дикія дотолѣ мѣстности и скрѣпляло землю нашу воедино.

Встрѣчаясь съ чуждыми себѣ племенами, оно не враждовало съ ними, а только селилось подлѣ нихъ, входя съ ними въ дружелюбное общеніе. Часть этихъ туземныхъ племенъ принимала обычаи насельниковъ и *сливалась* съ ними въ одно цѣлое, часть же — сохраняла всѣ свои племенныя особенности, но свыкалась съ пришельцами и, тѣсно *сближаясь* съ ними, начинала общую дружную жизнь, въ основу коей ложились общіе одинаково дорогіе и той и другой сторонѣ интересы. Такими то скрѣпами сплачивались отдѣльныя части обширной равнины нашей, пока не превратились онѣ въ одно не разрывное цѣлое, называемое Россіей.

Точно такими же путями совершалось и крѣпло политическое и культурное сростаніе балтійскаго поморья съ той землей,

съ которой эта окраина и безъ того составляла одно цѣлое географически. Племя русское на своемъ колонизаторскомъ пути на сѣверозападъ перешло черезъ рѣку Нарову и чрезъ о. Пейпусъ и стало селится и тутъ бокъ о бокъ съ языческимъ племенемъ Чудскимъ. И тутъ какъ вездѣ эти русскіе христіане явились не покорителями, а мирными сосѣдями туземнаго населенія. И тутъ какъ вездѣ они не навязывали насильно туземцамъ ни культуры своей, ни религіи. Но и вѣра и культура усвоивалась Чудскимъ племенемъ процессомъ свободнаго убѣжденія. Не даромъ эстонскіе пѣсни и преданія сохранили и по сей день воспоминанія той «вѣрѣ Русской» какъ о «вѣрѣ мирной», вѣрѣ «правой», противопоставляя ей вѣру «господскую»; не даромъ тѣ же пѣсни и преданія съ любовію повѣствуютъ и о «русскихъ братцахъ», съ которыми эстонцы отправляются въ далекіе походы, и объ эстонскихъ витязяхъ, возвращавшихся на родину совсѣмъ по виду обрусѣвшими такъ что ихъ съ трудомъ узнавали родные...

Этотъ процессъ органическаго сліянія здѣшней окраины съ землей былъ внезапно прерванъ появленіемъ завоевателей изъ заморя.

образованъ недавно особый Пюхтицкій приходъ. Первая изъ нихъ вся населена православными русскими, а во второй осталось православныхъ русскихъ только два родственныхъ семейства Соловьевыхъ.

Систематическая травля противъ представителей Россіи и православія въ предѣлахъ порабощенной заморскими рыцарями земли началась уже много вѣковъ тому назадъ, вскорѣ послѣ появленія самихъ завоевателей.

Уничтожая русское вліяніе, завоеватели надѣялись привязать туземцевъ къ навязанной имъ вѣрѣ и культурѣ. Съ этой цѣлью дѣлались набѣги даже и на Псковскую область какъ на разсадникъ православія. Въ 1459 г. напр. Псковичи построили церковь на О. Межѣ на Чудскомъ озерѣ; въ слѣдующемъ году рыцари безъ объявленія войны, среди мира разрушили ее; въ 1463 году они зажгли церковь на О. Колпинѣ въ юго-западной части озера. Въ 1472 году съ цѣлію прекратить обаяніе православія рыцари рѣшились *на поголовное избіеніе всѣхъ русскихъ*. Поводомъ къ этому послужилъ торжественный крестный ходъ, устроенный русскими на рѣку Омовжу 6 Января для водоосвященія. При этомъ правосла-

вный священникъ Исидоръ и 72 прихожанина были захвачены и посажены въ тюрьму. На слѣдующій день, 7 Января, епископъ и городскія власти держали надъ ними судъ и приговорили ихъ къ потопленію подъ льдомъ въ р. Омовжѣ, и 8 Января всѣ они были опущены подъ ледъ выше города, съ одной высоты при Ревельской дорогѣ. Весною тѣла ихъ показались надъ водою и были погребены на кладбищѣ церкви Св. Николая. Такъ повѣствуетъ монахъ Варлаамъ, написавшій при митрополитѣ Макаріи въ XVI в. въ Печерскомъ монастырѣ повѣсть, и прибавляетъ еще, что «Исидоръ многопреніе съ нѣмцы о христіанской вѣрѣ показа и въ темницу затворенну бывшу со о немъ 72 христіаны и непокоршимся имъ ввержену быша отъ нѣмецъ подъ ледъ въ рѣку Амовжу во исповѣданіе Христовѣ» (Эстл. Губ. Вѣд. 1888 г. № 21) . . .

Псковопечерскій монастырь, какъ свѣточь православія на далекое разстояніе распространявшій въ Чудской землѣ свое обаяніе, также многократно подвергался набѣгамъ и раззоренію со стороны рыцарей. Точно такой же характеръ — какъ мы сейчасъ увидимъ — носили дѣй-

ствія Балтійскихъ рыцарей и въ Пюхтицкомъ краѣ.

Когда въ XVI столѣтіи балтійскіе рыцари присоединились къ т. н. реформаторскому движенію, они и тутъ остались вѣрными основамъ своего народнаго характера: не взявши на себя даже труда освѣдомиться у Эстонскаго народа, къ которому они питали полное презрѣніе, о воззрѣніи его на новое вѣроисповѣданіе они, нисколько не смущаясь, перечислили его вмѣстѣ съ собою въ лоно лютеранства. Новое вѣроученіе осталось такимъ образомъ для народа столь же чуждой имъ «господской вѣрой» какъ навязанное имъ насильственно передъ этимъ католичество. — Такимъ образомъ и впредь отношенія Эстовъ къ рыцарямъ съ реформаціей нисколько не измѣнились: они остались тѣми же отношеніями порабощенныхъ побѣжденныхъ къ жестокому и подозрительному побѣдителю.

Обаяніе же сосѣдней Россіи среди эстонцевъ не уменьшалось, а росло вмѣстѣ съ увеличеніемъ наплыва въ восточныя части завоеванныхъ нѣмцами окраинъ русскихъ поселенцевъ. Неурядицы внутри Московскаго Государства въ значительной степени содѣйствовали усиленію русской колонизаціи

въ этихъ мѣстахъ: люди недовольные порядками въ Московскомъ Государствѣ и раскольники бѣжали на сѣверо-западныя окраины своего отечества (какъ бѣжали одни въ Польшу, другія въ степь), переплывали Чудское озеро и селились тамъ, гдѣ уже издавна рядомъ съ финами сидѣли русскіе занимавшіеся рыболовствомъ и хлѣбопашествомъ.

Но нѣмцы продолжали враждебно относиться къ этимъ пришельцамъ-піонерамъ русской культуры, пролагавшимъ собою естественное связующее звѣно между окраиной балтійской и прочей Россіей. Сохранилось одно необыкновенно интересное свидѣтельство характеризующее, какъ нельзя лучше политику нѣмецкихъ завоевателей по отношенію къ мѣстнымъ русскимъ насельникамъ. Въ одномъ изъ визитаціонныхъ протоколовъ лютеранскаго пастора отъ 1608 года, хранящемся въ архивѣ ревельской лютеранской консисторіи, говорится буквально слѣдующее: «при Исаакской капеллѣ (вънѣсколькихъ верстахъ отъ Пюхтицы) есть нѣкоторые *крестьяне,* которые *говорятъ* почти *исключительно порусски* и не охотно позволяютъ себя наставлять въ своемъ христіанствѣ . . . Такъ какъ они служатъ

большимъ соблазномъ и не безпокоятся тѣмъ, что *платятъ штрафа два рейхсталера, лишь бы избавиться отъ (лютеранской) молитвы, то я опасаюсь, что многіе другіе могли бы послѣдовать ихъ примѣру.* На русской границѣ — продолжаетъ пасторъ — есть нѣкоторыя деревни, которыя не принадлежатъ ни какой церкви (т. е. ни къ какому лютеранскому приходу) и дерзнули *построить русскую часовню,* которой завѣдуетъ живущій за границею русскій священникъ. Въ имѣніи Сомпе, въ деревнѣ Карулѣ (при Наровѣ), есть пара семействъ Ryskolsky (раскольники?), родомъ русскіе, имѣющіе особую вѣру . . . *Я покорнѣйше прошу* — заключаетъ ревнительный пасторъ — *дать въ мое распоряженіе средства, коими ихъ можно было бы искоренить»* (Эстл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 41).

И такъ политическіе принципы нѣмецкихъ завоевателей нашего поморья остались неприкосновенными въ плоть до XVII вѣка (и далѣе какъ это мы сейчасъ увидимъ): огнемъ и мечемъ проповѣдывали они въ свое время эстонцамъ католичество, «штрафами» и «искорененіемъ» приводили они русскихъ насельниковъ въ лютеранство ради

прекращенія обаянія на порабощенныхъ эстонцевъ русской народной стихіи.

3.

Натиски на русскій элементъ въ Пюхтицкомъ краѣ подъ русскою державою.

Вмѣстѣ съ возсоединеніемъ въ прошломъ вѣкѣ съ Россіей балтійскаго поморья — этого исконняго владѣнія русскихъ государей, съ разрѣшенія то коихъ, по свидѣтельству исторіи, и поселились здѣсь первые насельники, пришедшіе сюда изъ за моря съ монахамъ Мейнхардомъ въ XII вѣкѣ — взаимныя отношенія народностей на этой окраинѣ нашей должны были въ корнѣ измѣниться: и господствующіе рыцари, а съ ними и прочіе нѣмцы и угнетавшіяся ими въ былое время эстонцы и «искореняемые» нѣмцами русскіе колонисты стали одинаково подданными однаго Государя, членами одного отечества. Измѣнилось положеніе вещей; *не* измѣнились нравы и вожделенія заморскихъ пришельцевъ. Вошло балтійское поморье наконецъ въ составъ русскаго государства, но — начался С.-Петербургскій періодъ русской государственной и общественной жизни. . . И вотъ подъ покровомъ русской власти, подъ защитою законовъ, санкціонированныхъ *тогдашней* правящей Россіей, нѣмцы продолжали

преслѣдовать — какъ конечную цѣль — исключительное свое господство надъ окраиной, продолжали ревниво отстранять все то, что являлось помѣхой этому исключительному обособленію окраины отъ прочей Россіи.

Такой помѣхой между прочими явилось для нихъ усилившаяся колонизація въ тѣ же сѣверозападныя окрестности Чудскаго озера и начавшееся вновь сближеніе эстонскихъ крестьянъ съ русскими людьми. Разумѣется насиліе и угнетеніе не могли отъ нынѣ производиться съ тою откровенною интенсивностію, какъ въ былыя времена: формы ихъ измѣнились, но сами политическіе принципы, унаслѣдованные отъ предковъ, сохранились въ полной чистотѣ; ихъ примѣненіе только приспособилось болѣе къ условіямъ новой эпохи: «*штрафы*» былаго времени, бравшіеся съ православныхъ поморянъ русской крови, нехотѣвшихъ молиться по лютеранскому обряду, превратились «*въ повинности*» въ пользу лютеранскихъ пасторовъ и кирокъ, кои отбывать вынуждались православные русскіе на равнѣ съ лютеранами эстонцами; «*искорененіе*» русской народности приняло форму насильственнаго *обэстоненія* русскихъ колонис-

товъ путемъ лютеранской между ними пропаганды.

Какъ сказано, приливъ русскаго населенія въ мѣстности соприкасающіяся съ «Пюхтицей — Святымъ мѣстомъ» послѣ Сѣверной войны дѣлается въ особенности сильнымъ: частію мѣстности эти населяются крестьянами мирными, переплывающими сюда изъ за Чудскаго озера и занимающимися рыбнымъ промысломъ или земледѣліемъ, частію бѣглыми отъ рекрутчины и барщины, укрывающимися здѣсь въ лѣсахъ и болотахъ, живя разбойничьими шайками, на которыя время отъ времени, въ интересахъ общаго спокойствія, здѣсь производятся облавы.

Мы имѣемъ рядъ краснорѣчивыхъ указаній тому, какъ усердно старались прибалтійцы устранить этотъ мѣшавшій имъ въ ихъ политическихъ стремленіяхъ факторъ. Такъ 1738 году нѣкто Борге студентъ Халльскаго университета былъ приглашенъ въ качествѣ *пастора* въ Іевве и Изакъ — опорные пункты нѣмецкаго вліянія на Пюхтицкій край — *съ условіемъ* однако «*изучить русскій языкъ*». Консисторія Лютеранская требуетъ этого настоятельно. Такъ далѣе въ 1741 году приглашется сюда

пасторомъ же родившійся въ Вологдѣ нѣмецъ Гольтцъ *съ обязательствомъ не оставлять прихода* въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ въ 1738 году Консисторія лютеранская проситъ тогдашняго Ревельскаго Генералъ-Губернатора заставить *православныхъ* русскихъ, живущихъ въ томъ же Іеввескомъ приходѣ, *отбывать* на равнѣ съ лютеранами *повинности въ пользу лютеранской церкви* и лютеранскихъ пасторовъ. И русскій сановникъ находитъ прошеніе лютеранской Консисторіи подлежащимъ удовлетворенію.

Факты эти ярко вырисовываютъ упомянутую нами новую систему борьбы балтійскаго нѣмечества съ русскою народностію и съ опаснымъ для нихъ православіемъ.

Система эта примѣнялась вплоть до нашихъ дней.

Такимъ образомъ, переплывъ Чудское озеро, русскіе люди вдругъ очутились въ кабалѣ у пастора и кирки, на которыхъ имъ пришлось работать, а отсутствіе храма православнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ молитвѣ направили ихъ наконецъ по проторенной тропинкѣ въ близь лежащую кирку. А пасторы ожидали ихъ уже у дверей ея, встрѣчали ихъ

съ родною ихъ русскою рѣчью на устахъ, дѣлая такимъ образомъ переходъ изъ лона одного вѣроисповѣданія въ другое по возможности легкимъ и въ началѣ мало замѣтнымъ. Сохранилось достовѣрное свѣдѣніе, что въ Изаакѣ вплоть до 1866 года подготовка русской сельской молодежи къ обряду конфирмаціи производилась пасторомъ на русскомъ языкѣ!

Такимъ то образомъ вѣками у наслѣдованный заморскими пришельцами въ балтійскомъ краѣ принципъ насилія, прикрывшись нынѣ пеленой лести, соблазна и обмана, одержалъ болѣе побѣдъ въ короткій сравнительно промежутокъ новой эры жизни балтійскаго поморья, чѣмъ ранѣе въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ: становясь подъ покровъ лютеранства мѣстные русскіе крестьяне въ Пюхтицкомъ краѣ утрачивали и свою народность.

4.

Полувѣрцы.

Проѣзжающій нынѣ въ этой части Эстляндской губерніи легко можетъ убѣдиться, что Пюхтицкій край ея совершенно не похожъ на прочія ея части, онъ навѣрно будетъ пораженъ, встрѣтивъ здѣсь чисто великорусскій этнографическій типъ среди мѣстныхъ крестьянъ. На вопросы, обращен-

ные къ нимъ, они отвѣтятъ бойко чистымъ русскимъ языкомъ. «Вы русскіе?» спроситъ онъ ихъ. «Нѣтъ», отвѣтятъ они — «мы нерусскіе, мы *полувѣрцы*.» Прежде чѣмъ объяснить это странное наименованіе отмѣчу, что новая эта «національность», отличающая себя и понынѣ еще отъ живущихъ рядомъ съ ней эстонцевъ какъ и отъ русскихъ, состоитъ именно изъ потомковъ олютераненныхъ русскихъ насельниковъ.

Какъ характеренъ этотъ фактъ. Только въ Россіи — гдѣ чувство русской національности даже стушевывается передъ чувствомъ Вѣры, гдѣ православіе есть синонимъ русской народности — возможно вмѣстѣ съ отпаденіемъ отъ Церкви утратить и свою народность и свою вѣковую, естественную связь съ братьями по крови. Ставъ подъ покровъ кирки, подъ начало лютеранскаго пастора, русскіе Пюхтицкаго края, въ теченіи вѣковъ столь успѣшно сопротивлявшіеся насильственно навязываемой имъ культурѣ, вдругъ утратили вмѣстѣ со своимъ православіемъ и живой все побѣждающій духъ свой, который они сохраняли дотолѣ всегда и вездѣ при столкновеніи, даже при смѣшеніи своемъ съ инород-

ческими племенами, превосходившими обыкновенно ихъ своею численностію.

А какъ сильна и вліятельна была въ данной мѣстности въ былое, не очень еще отдаленное, время народность русская, видно между прочимъ и изъ того, что здѣсь и понынѣ встрѣчаются, среди чистокровныхъ эстонцевъ лютеранъ, не мало такихъ прозвищъ, въ которыхъ русское окончаніе *овъ* придѣлано къ чисто финскому корню (напримѣръ: Кельменцовъ и т. п.). Съ другой стороны видно, что и православіе здѣсь не ограничивалось только средой чисто русскихъ насельниковъ, на это указываетъ то, что между нынѣшними *полувѣрцами* встрѣчаются и чистокровные эстонцы (напр. Кунигасъ и проч.). . . .

Поскольку же эти полувѣрцы перестали быть на самомъ дѣлѣ русскими?

Этнографическій типъ великоруссовъ, — какъ уже сказано, они сохранили вполнѣ; языкомъ русскимъ они владѣютъ какъ роднымъ. Старыя полувѣрки сплошь и рядомъ до сихъ еще поръ вовсе не понимаютъ еще эстонской рѣчи, а мущины, владѣя эстонскимъ языкомъ, примѣшиваютъ къ нему испорченныя русскія слова и говорятъ на этомъ языкѣ съ русскимъ акцентомъ.

Прозвища носятъ они чисто русскія, какъ напр. Андреевъ, Заболотный, Тетеринъ, Зеленый, Рябина, Бѣляевъ, Писаревъ, Желтикъ и т. п. Въ домашнемъ быту сохранили они почти исключительно русскіе обычаи....

Въ чемъ же состоялась утрата этими русскими крестьянами роднаго ихъ православія?

Отступленіе отъ церкви здѣсь небыло плодомъ внутренней смуты въ умахъ, которая породила бы раціоналистическіе сектанскіе толки въ родѣ штунды или молоканства, подготовившихъ бы почву для сближенія съ раціоналистическимъ же лютеранствомъ. Нѣтъ, здѣсь дѣйствовали иные поводы, иныя причины. Причиною была непосильная борьба смиренныхъ бѣдныхъ русскихъ крестьянъ съ насиліями властнаго во всѣхъ отношеніяхъ нѣмечества, причиною было отсутствіе всякой поддержки, въ которой столь нуждалась эта закинутая судьбой сюда горсть русскаго племени, отдѣленная отъ прочихъ его частей нестолько громадой озера, нестолько топкостью болотъ и быстротою рѣкъ, сколько той глубиною различія отъ прочихъ частей Россіи всего мѣстнаго строя, всего мѣстнаго быта, которые являлись слѣд-

ствіемъ принесенныхъ изъ заморя нѣмецкими завоевателями законовъ и учрежденій, санкціонированныхъ безпрекословно самимъ русскимъ правительствомъ. Причиною было полное отсутствіе въ Пюхтицкомъ краѣ православныхъ храмовъ. Причиною была потребность въ молитвѣ и въ таинствахъ.

Какимъ же способомъ произошелъ этотъ переходъ въ лютеранство?

Произошелъ онъ медленно, постепенно и незамѣтно. Долго безсильно старались эти русскіе крестьяне освободиться отъ душившаго ихъ въ своихъ объятіяхъ лютеранства, безпрестанно выказывая свою привязанность къ церкви. Такъ напр. въ 1866 году строилась спеціально для нихъ въ имѣн. Изакъ кирка. Когда готическое изданіе ее было закончено, крестьяне въ простотѣ своей пошли къ своимъ же врагамъ съ просьбою освятить ее чрезъ православнаго священника. Нѣтъ надобности прибавлять, что прошеніе ихъ осталось безъ удовлетворенія. Въ им. Ментакѣ они прямо обратились къ начальству съ ходатайствомъ о постройкѣ православнаго храма. Постройка его началась уже, но властная интрига во время успѣла пріоста-

новить это роковое для лютеранства начинаніе. До сихъ поръ показываютъ мѣстные жители остатки этой начатой постройки. Пріостановивъ ее русскихъ крестьянъ снова погнали въ сосѣднюю кирку вмѣстѣ съ Эстонцами.

Въ какой же мѣрѣ было воспринято русскими Пюхтицкаго края лютеранство?

Въ такой мѣрѣ, что и по сей день пасторы не съумѣли отучить ихъ отъ прославленія Пресвятой Богородицы, отъ почитанія Св. Иконъ — которыя можно встрѣтить въ любой полувѣрческой семьѣ, отъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ и отъ соблюденія постовъ! Лютеранство такимъ образомъ ограничивается посѣщеніемъ кирки, пріобщеніемъ Св. Таинъ чрезъ пастора, крещеніемъ, похоронами, благословеніемъ брака, да еще обрядомъ комфирмаціи.

Какой чисто внѣшній характеръ носитъ эта связь мѣстныхъ русскихъ крестьянъ съ лютеранствомъ; сколь по этому слаба эта связь видно между прочимъ изъ характерныхъ фактовъ, связанныхъ со школьнымъ дѣломъ въ мѣстечкѣ Іевве, наиболѣе важномъ опорнымъ пунктомъ лютеранства при его посягательствѣ на Пюхтицкій край. Въ 1884 году Эстляндское рыцар-

ство *вынуждено* было закрыть издавна существовавшую здѣсь лютеранскую народную школу, «вслѣдствіе несочувствія къ ней населенія», отчего въ этой школѣ давно уже неимѣлось болѣе учениковъ и даже само зданіе развалилось. Въ 1887 году въ томъ же мѣстечкѣ Іевве учреждается православнымъ братствомъ русская школа и крестьяне, даже *настоящіе* лютеране хлынули къ ней толпой. Наплывъ желавшихъ помѣстить въ нее своихъ дѣтей былъ на столько великъ, что пришлось принять за недостаткомъ мѣста только одну третью часть всѣхъ пришедшихъ дѣтей. Это случилось въ такой мѣстности, гдѣ дотолѣ никогда небывало прежде русскихъ школъ; а населеніе, какъ всякое сельское населеніе, подозрительно относится и здѣсь ко всякому новшеству мѣняющему его изъ стари проторенную бытовую колею.

И такъ къ счастію связь русскаго народа въ Пюхтицкомъ краѣ оказывается лишь чисто внѣшней, а потеря имъ своей народности — фиктивной.

Тѣмъ неменѣе сами себя эти крестьяне русскими болѣе не называютъ, не называютъ ихъ таковыми и православные сородичи ихъ живущіе съ ними по сосѣдству. Ука-

занное же выше смѣшеніе православныхъ догматовъ, глубоко еще въ нихъ корення щихся, съ внѣшней принадлежностью къ лютеранству и дало основаніе православнымъ сосѣдямъ ихъ назвать ихъ «полувѣрцами», «полувѣрниками»; отъ русскихъ же перешло это названіе къ мѣстнымъ эстонцамъ, именующимъ ихъ нынѣ «poluwernikud».

Само собой разумѣется что вожаки прибалтійскаго нѣмечества хорошо видѣли, сколь зыбка еще эта новая почва, на которой созидалось ими лютеранство въ Пюхтицкомъ краѣ. Но они разсчитывали, что время возметъ свое и что поколенія, идущія на смѣну нынѣшнимъ, окончательно забудутъ дорогія завѣты прошлаго и вовсе утратятъ воспоминаніе о своей народности, о своемъ православіи. Соображенія эти находили себѣ подтвержденіе въ самой мѣстной народной жизни: благодаря стараніямъ пасторовъ и школьныхъ учителей дѣло объэстоненія русскихъ въ Пюхтицкомъ краѣ за послѣднее время двигалось весьма успѣшно. Такъ напр. по свидѣтельству Отца Іогансона, мѣстнаго священника, у полувѣрцевъ, живущихъ въ предѣлахъ лютеранскаго прихода въ Исаакѣ, именуемыхъ нынѣ уже

офиціально эстонцами, держится какъ разговорная рѣчь между взрослыми языкъ русскій, старухи даже почти вовсе по эстонски не понимаютъ, а молодежъ уже краснѣетъ отъ стыда, когда ее называютъ русскою. Это передѣлываніе русскихъ въ эстонцевъ, по словамъ того же пастыря, пошло здѣсь особенно успѣшно съ тѣхъ именно поръ, какъ при Изаакской киркѣ открыли еще и лютеранскую приходскую школу. Въ самой Пюхтицѣ мнѣ указывали крестьянина, который уже ни слова не понимаетъ порусски, хотя еще дѣдъ его не иначе объяснялся, какъ на народномъ своемъ русскомъ языкѣ. У смотрителя одной почтовой станціи мнѣ довелось встрѣтить работника по прозвищу Заболотный, носившаго эстонскую одежду, эстонскую прическу, бившему усы по эстонскому обычаю и еле еле понимавшему русскую рѣчь, тогда какъ по его собственнымъ словамъ родители его хорошо говорили порусски, а дѣдъ вовсе по эстонски неразумѣлъ. Другой старикъ въ окрестности Пюхтицы по прозванію Рябина, предки коего вышли изъ подъ Москвы, говоритъ еще на родномъ языкѣ, а сынъ и внукъ его уже не понимаютъ ни слова порусски.

Доказательствомъ тому, что совращеніе въ

лютеранство русскихъ въ Пюхтицкомъ краѣ началось уже давно и что велось оно постепенно и мало замѣтно, служитъ то обстоятельство, что многіе изъ полувѣрцевъ, сохраняя свои родственныя преданія отчетливо до прадѣдовъ своихъ включительно, не помнятъ вовсе когда именно сдѣлались они лютеранами.

И такъ дѣло это успѣшно шло впередъ и въ наши дни придвигалось уже къ окончанію.

Оставалось терпѣливо ждать, а главное хранить разумное молчаніе, дабы невѣдала Россія до поры до времени о томъ, что совершалось въ этой глуши подъ покровомъ безконтрольнаго балтійскаго «самоуправленія.»

Обстоятельства характера совершенно случайнаго въ самую рѣшительную минуту пролили должный свѣтъ на своекорыстныя эти дѣйствія.

5.

Пюхтицкая святыня.

Единственнымъ памятникомъ нѣкогда господствовавшаго въ Пюхтицкомъ краѣ православія уцѣлѣла до нашихъ дней лишь та убогая Пюхтицкая часовня о которой я упоминалъ выше. Когда и кѣмъ она была сооружена — никому неизвѣстно: знаютъ толь-

ко что сооружена она съ незапамятныхъ временъ что всегда причислялась она къ православному приходу русскаго села Сыренца, находящагося верстахъ въ 16 отъ деревни Пюхтицы.

Историкъ-Этнографъ Ю. Ю. Трусманъ доказываетъ что это и есть та самая часовня, о которой упоминается въ визатаціонномъ протоколѣ лютеранскаго пастора отъ 1608 года, въ которомъ послѣдній выражаетъ свое негодованіе на то что русскіе «дерзнули» построить часовню, которой завѣдуетъ православный священникъ, «живущій за границей».

Относительно поводовъ къ сооруженію ея намъ повѣствуетъ Сыренецкій священникъ Отецъ Кедровъ въ мѣстной Церковной лѣтописи со словъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ 90-лѣтнихъ старцевъ, принявшихъ преданіе изъ устъ своихъ отцевъ и дѣдовъ и передавшихъ его пастырю въ самомъ началѣ его служенія въ селѣ Сыренцѣ въ 1848 году.

«Неподалеку отъ высокой горы поросшей орѣшнякомъ — такъ повѣствуетъ эта лѣтопись — гдѣ построена означенная часовня, пасъ коровъ чухна и видитъ въ раннее утро на этой горѣ благообраз-

ную женну въ благолѣпномъ одѣяніи, которая съ приближеніемъ его къ ней скрывалась отъ его глазъ неизвѣстно куда, а когда пастухъ удалится, она снова представлялась его глазамъ на томъ же мѣстѣ. Расказавъ о своемъ видѣніи жителямъ близь находящихся деревень — чухонцамъ, онъ просилъ ихъ самихъ вмѣстѣ съ нимъ идти и удостовѣриться въ его разсказѣ, на что согласились сначала только немногіе изъ чухонъ и пошли съ нимъ рано по утру; но точно также могли видѣть означенное явленіе женщины только издали, а когда приближались, то видѣніе скрывалось отъ ихъ глазъ. На слѣдующее утро за этими немногими бывшими зрителями скопились уже и многіе; но также оставались безъ успѣха: — являющаяся женщина не допускала ихъ видѣть себя вблизи и при всемъ ихъ стараніи отыскать ее на этой горѣ не могли; а вмѣсто ея нашли на томъ мѣстѣ старинной живописи образъ Успенія Божіей Матери, который и передали православнымъ крестьянамъ деревни Ямъ, ходившимъ на барщину въ свою мызу мимо чухонскихъ деревень близь означенной горы, говоря имъ: мы не молимся образамъ, а вы русскіе молитесь, такъ вотъ возьмите себѣ

найденный нами образъ, разсказавъ имъ подробно, какъ пришлось имъ найти его. Православные, взявъ отъ нихъ съ радостію и благословеніемъ этотъ образъ и считая его явленнымъ, построили на томъ мѣстѣ малую часовню въ честь Успенія Божіей Матери и поставили въ оной найденный образъ. Потомъ, вѣроятно по приглашенію строителей часовни, каждогодно пріѣзжалъ изъ г. Нарвы соборный священникъ и совершалъ службы и пѣлъ молебны для собиравшихся богомольцевъ въ день Успенія Божіей Матери.

«Когда же въ селѣ Сыренцѣ построили церковь и опредѣленъ былъ причтъ, тогда эта часовня перешла съ 1818 года въ вѣдѣніе причта Сыренецкой церкви, и по нынѣ совершается къ 15 Августа изъ Сыренецкой церкви крестный ходъ въ Пюхтицкую часовню, гдѣ отправляются священныя службы при стеченіи многихъ православныхъ богомольцевъ изъ разныхъ сторонъ и, по просьбѣ богомольцевъ, священникъ служитъ молебны предъ иконою Успенія Божіей Матери.

«Святая икона Успенія Божіей Матери имѣетъ величины, въ высоту 12 и въ ширину 10 вершковъ, украшена серебряною

съ позолотою ризою, а надъ Божіею Матерію во гробѣ въ видѣ пелены прозрачная сѣтка серебрянная. Въ верхней части иконы при гробѣ Богоматери изображенъ Господь Іисусъ Христосъ, держащій въ рукахъ душу Матери, окруженный съ трехъ сторонъ ангелами. Съ правой стороны гроба Богоматери предъ главою Ея окружаютъ по три въ рядъ Св. Отцы и Апостолы: Іерофей, Іаковъ, Ѳилиппъ, Маркъ, Лука, Іоаннъ Богословъ, Андрей-Первозванный и Ап. Петръ. Съ лѣвой стороны — въ подножіи такимъ же порядкомъ предстоятъ: Діонисій, Тимофей, Ѳома, Іаковъ, Варѳоломей, Симонъ, Павелъ, Матѳей. Въ нижней части иконы вбоку гроба изображены Ангелъ съ мечемъ и Евреянинъ Авфоній, лишенный зрѣнія и рукъ, повисшихъ у гроба за дерзновенное покушеніе опрокинуть гробъ Божіей Матери во время шествія на погребеніе Ея».

Самый тотъ холмъ, на которомъ находится часовня съ чудотворною иконою, называется нынѣ *Богородицкою горою.* Съ западной стороны къ подножія этого холма прилегаетъ источникъ ключевой воды, почитаемый населеніемъ живоноснымъ.

Какъ отъ иконы, такъ и отъ источника

происходило множество чудесъ и исцѣленій: не мало преданій объ нихъ можно услышать и изъ устъ окрестнаго населенія и между богомольцами, стекающимися сюда нерѣдко изъ весьма отдаленныхъ мѣстностей. Церковная лѣтопись также повѣствуетъ о бывшихъ здѣсь исцѣленіяхъ, такъ напр. «Везенбергскій купецъ Нестеровъ, находясь въ тяжкой болѣзни просилъ за себя отслужить молебенъ предъ иконой Божіей Матери, которая вслѣдствіе обращенія его къ ней съ мольбой, явившись ему во снѣ, указывала на ветхость часовни, послѣ чего онъ вскорѣ, получивъ выздоровленіе, построилъ часовню вновь, а самую икону Успенія Божіей Матери украсилъ дорогою серебрянною съ позолотою ризою. Сыренецкаго крестьянина Степана Фаддѣева жена долго не могла владѣть ногою, а какъ отслужила молебенъ и обмыла больную ногу водою, освященною въ ключевомъ источникѣ въ Пюхтицахъ, нога вскорѣ поправилась. Того же крестьянина сынъ Симеонъ до 4-хъ лѣтъ отъ рожденія не могъ ни стоять ни сидѣть и голова не могла отъ слабости держаться прямо, а когда снесли его въ Пюхтицкую часовню и отслужили молебенъ и обмыли его потомъ освященною водою изъ ключеваго

источника, онъ вскорѣ окрѣпъ силами и по сіе время живъ и здоровъ. У крестьянина села Сыренца, Павла Махова, сынъ Григорій въ малолѣтствѣ своемъ былъ совершенно немощной и изсохшій тѣломъ, послѣ же молебна и обливанія Св. водою изъ означеннаго источника выздоровѣлъ и потучнѣлъ.» . . .

Иждивеніемъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей часовня время отъ времени перестроивалась и обновлялась. Такъ исцѣлившійся чудодѣйствующею силою иконы купецъ Везенбергскій Нестеровъ совмѣстно съ Ментакскимъ корчмаремъ Колчинымъ построилъ въ 1842 году на мѣстѣ ветхой часовни новую обширнѣе первой и украсилъ ее иконами Нерукотвореннаго Спаса, Св. пророка Иліи въ пустынѣ и Св. Великомученника Георгія Побѣдоносца. Въ томъ же году сама чудотворная икона Богородицы была украшена серебрянною ризой.

Рядомъ съ часовнею, построенною Нестеровымъ, Сыренецкій крестьянинъ Андрей Васильевъ Томасовъ положилъ основаніе новой часовнѣ, нынѣшней церкви. Этого же года 12-го Августа былъ поставленъ иконостасъ, взятый изъ старой

Сыренецкой церкви и подновленный въ г. Нарвѣ на средства старосты Сыренецкаго прихода Андрея Абрамова. Вся постройка была совершенно окончена 25-го Августа 1876-го года. Изъ матеріала прежней часовни была поставлена постройка, въ которой могли бы найдти ночлегъ прибывшіе издалека богомольцы въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ 1879 году съ разрѣшенія Преосвященнаго Серафима, Епископа Рижскаго и Митавскаго, 15 Августа была въ новой часовнѣ совершена первая литургія, при чемъ св. антиминсъ былъ взятъ изъ Сыренецкой церкви. Въ 1882 году 1-го Августа на живоносномъ источникѣ, гдѣ совершаются молебствія съ водосвятіемъ, были сведены стѣны и устроенъ на четырехъ деревянныхъ столбахъ навѣсъ изъ теса.

Въ 1883 году 12-го Іюля по дорогѣ къ этому источнику на канавахъ и черезъ ручеекъ были наведены деревянные мосты и 14 Августа въ часовнѣ повѣшена люстра.

Такъ уцѣлѣла эта святыня благочестивыми заботами смиренныхъ богомольцевъ вплоть до нашихъ дней.

6.

Объединяющее вліяніе этой святыни.

Пюхтица — Святое мѣсто соединяетъ около себя одинаково и православныхъ русскихъ и лютеранскихъ «полувѣрцевъ» и чистокровныхъ эстонцевъ лютеранъ: всѣ они одинаково почитаютъ эту мѣстность.

Достопримѣчательна уже та часть мѣстнаго преданія, въ которой повѣствуется о первоначальномъ обрѣтеніи чудотворной иконы не русскими, а эстонцами, кои и передали первымъ святыню на томъ основаніи, что новая «господская» вѣра ихъ запрещала имъ молиться передъ иконами. Самый источникъ при Богородицкой горѣ Эстонцами почитается также, какъ и русскими, священнымъ. Смутные отрывки какого то преданія (о немъ подробнѣе скажемъ еще), связаннаго съ этимъ урочищемъ, изъ глубины вѣковъ дошли до насъ и записаны Пюхтицкимъ Священникомъ Отцемъ Іогансономъ со словъ мѣстныхъ крестьянъ. Изъ Эстонцевъ одни называютъ — «чистымъ источникомъ» puhthallik другіе «источникомъ Спасителя». Всю же мѣстность эту Эстонцы называютъ Bohorodits. Крестьянинъ деревни Пюхтицы Павелъ Яковлевъ Соловьевъ передалъ пастырю со словъ покойной матери своей, умер-

шей на 96 году отъ роду и слышавшей въ свою очередь отъ своихъ родителей слѣдующее: «Изъ живоноснаго источника выходили *три сестры* и три раза обходили Богородицкую гору *и все плакали*. Каждый разъ онѣ останавливались на одномъ и томъ же мѣстѣ: послѣ на этомъ мѣстѣ была найдена Чудотворная икона и устроена часовня Царицы Небесной.» Симеонъ Соловьевъ, сынъ Павла, даже показывалъ пастырю то мѣсто на восточной части Богородицой горы, гдѣ по преданію проходили три миѳическія «сестры».

Не трудно увидѣть въ этихъ сказаніяхъ столь заурядныя въ народѣ смѣшенія языческихъ миѳовъ съ христіанскими преданіями. Мысль о священномъ значеніи данной мѣстности для эстовъ, еще со временъ, язычества, раздѣляетъ и г. Трусманъ («Э. Г. В.» 1887 № 41).

Эту же мысль подтвердаютъ народныя саги Эстонецъ, согласно которымъ мѣстность эта славилась тайною вѣдовскою мудростію, была свидѣтельницей битвъ миѳическихъ великановъ и полемъ дѣятельности народнаго героя Калевича («Kalewipoeg» XV 700—896).

На эту же самую мысль наводитъ на-

конецъ сохранившійся и до сихъ поръ среди окрестныхъ Эстонцевъ обычай собираться на самую вершину холма въ ночь на Ивана Купалу.

Когда же на этомъ то мѣстѣ, отъ временъ язычества священномъ для Эстовъ, появилась святыня христіанская, почитаемая ихъ сосѣдями русскими, то исконная привязанность къ мѣсту перенеслась и на самую мѣстную православную икону, къ которой они относятся, не взирая на свое лютеранство, отрицающее моленіе предъ иконами, съ благоговѣніемъ и стекаются сюда въ день храмоваго праздника вмѣстѣ съ православными и полувѣрцами на Богородицкую гору. А между исцѣленіями отъ Чудотворныя Иконы существуютъ свидѣтельства объ исцѣленіи и лютеранъ. Двѣ женщины Чухонки —гласитъ мѣстная церковная лѣтопись — живущія не вдали отъ Пюхтицкой часовни исцѣлились: одна отъ опухоли въ ногахъ, а другая отъ гноевыхъ струпьевъ по головѣ и тѣлу»..... Еще не такъ давно къ отцу Іогансону приходила 70 лѣтняя старуха Луиза Трамбергъ, принадлежащая къ сектѣ хернгуторовъ и сообщала, что когда у ней опухли ноги и сдѣлался безпрестанный шумъ въ ушахъ, то она кое-какъ

добрела до часовни въ день крестнаго хода, помолилась, поставила свѣчу предъ Иконой Богородицы и послѣ водосвятія, начерпавъ изъ источника воды, пила ее намочила ею свои больныя ноги. Съ тѣхъ поръ она почувствовала себя легче, черезъ нѣсколько дней выздоровѣла совсѣмъ и болѣе не заболѣвала.

Какъ тѣсно соединились въ этихъ мѣстахъ другъ съ другомъ національности русская и эстонская на почвѣ почитанія общей имъ святыни, видно между прочимъ изъ слѣдующей легенды, въ коей народные элементы эстонскіе и русскіе какъ бы переплетаются другъ съ другомъ. По близости Богородицкой горы устроены двѣ деревянныя часовни: одна въ деревнѣ Овсово во имя Рождества Христова, а другая въ деревнѣ Пюхтицѣ во имя Николая Чудотворца. Послѣдняя выстроена по преданію по слѣдующему случаю.

Шестьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ деревня эта вмѣстѣ съ часовнею сгорѣла. Находившійся въ часовнѣ образъ Святителя Николая изчезъ безслѣдно. Многіе погорѣльцы покинули свои пепелища и на ихъ мѣстахъ стали селиться *эстонцы*. Небольшая часть *русскихъ* однако осталась.

На пожарищѣ возникли новыя жилища, а часовню никто и не думалъ возобновлять, тогда Святитель ночью во снѣ явился къ одному крестьянину этой деревни Юрію, по прозвищу *Зеленому,* полувѣрцу (дѣти и внуки его живутъ и поднесь въ Пюхтицѣ и носятъ фамилію *Каупмесъ*) и жаловался ему: «всякъ по себѣ и по своемъ домѣ плачетъ, а по мнѣ никто — я въ колодцѣ.» Видѣвшій сонъ этотъ сообщилъ его своихъ сосѣдямъ Николаю *Кунингасу* и Андрею *Тетеркину* (полувѣрцу же). Всѣ вмѣстѣ обрѣли икону Святителя Николая на днѣ колодца и построили существующую по нынѣ часовню.

Такимъ образомъ *Пюхтица — святое мѣсто*, является связующимъ звеномъ обѣихъ народностей живущихъ на этомъ восточномъ краю Эстляндской губерніи. Подъ сѣнію этой скромной часовни и долженъ былъ бы повториться здѣсь тотъ процессъ сростанія въ одно цѣлое славянскаго и финскаго племенъ, который подъ покровомъ православія же происходилъ и въ прочихъ частяхъ нашей родины.

Но Балтійское нѣмечество поняло все громадное значеніе въ мѣстной народной жизни этого пункта, а потому и рѣшилось

само захватить его, дабы господствомъ на немъ лютеранства довершить рядъ успѣховъ въ борьбѣ съ православіемъ, а съ нимъ вмѣстѣ и съ русскою народностію въ Пюхтицкомъ краѣ. Но объ этомъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

7.

Русско-эстонскій праздникъ 15 Августа.

Чтобы уяснить себѣ вполнѣ сколь велика та нравственная сила, какую заключаетъ въ себѣ Пюхтицкая часовня, чтобы убѣдиться сколь велико обаяніе этой святыни въ народѣ, чтобы обнять всю ту громаду значенія, которое выпадаетъ на долю этого скрытаго въ глуши уголка въ дѣлѣ поддержанія русскаго народа и проявленія культурной мощи его здѣсь среди инородцевъ — нужно собственными глазами видѣть празднованіе здѣсь дня Успенія Богородицы ежегодно 15 Августа.

Я объѣхалъ безъ малаго всю ту обширную площадь земли, которую заняла великорусская народность — начиная отъ обители на Соловецкихъ островахъ вплоть до юго-восточныхъ нашихъ морей, но нигдѣ мнѣ не доводилось быть свидѣтелемъ такого церковнаго празднества какъ то которое я видѣлъ собственными глазами въ Пюхтицѣ

годъ тому назадъ. Кажется только въ годину ожесточенной борьбы за свою вѣру и за свою народность, кажется только въ мѣстахъ, гдѣ и вѣра отцовская и національность подвергаются соблазнамъ и искушеніямъ, религіозное чувство, лежащее въ самыхъ нѣдрахъ сердца человѣческаго, вырывается наружу съ такой неудержимой силой, съ такимъ всезахватывающимъ потокомъ. . . .

Я прибылъ на Богородицкую гору наканунѣ праздника незадолго до всенощной.

Вокругъ часовни и по склонамъ холма собралось множество богомольцевъ, сошедшихся сюда изъ разныхъ мѣстъ. Одни сидѣли, либо лежали подлѣ своихъ дорожныхъ сумокъ, другіе расхаживали взадъ и впередъ. Среди живой и бойкой толпы крестьянъ и крестьнокъ русскихъ, изъ коихъ многіе нарочно сюда прибыли изъ Петербургской и Псковской губерній одѣтыхъ въ яркіе праздничные наряды, медленно передвигались сѣрыя группы угрюмыхъ и молчаливыхъ эстонцевъ. Повторяю, будучи лютеранами, эти эстонцы приходятъ сюда изъ году въ годъ праздновать день Успенія вмѣстѣ съ русскими и православными къ крайнему недовольству помѣщиковъ и па-

сторовъ, бросая еще наканунѣ праздника всѣ полевыя работы.

Всѣ ожидали прибытія чудотворной иконы Богоматери вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ изъ села Сыренца.

Дѣло въ томъ, что святыня эта, прежде хранившаяся тутъ же въ часовнѣ на Богородицкой горѣ, съ нѣкоторыхъ поръ перенесена въ Сыренецкую церковь, такъ какъ наученные горькимъ опытомъ былыхъ временъ мѣстные православные опасаются оставить ее въ этой глуши, гдѣ нѣтъ достаточной для нее охраны. Чудотворная икона только разъ въ годъ на одни сутки приносится на Богородицкую гору.

Когда наконецъ крестный ходъ поднялся на холмъ, всѣ богомольцы толпой хлынули къ иконѣ и стали прикладываться къ ней. Только съ трудомъ удалось наконецъ внести ее въ часовню и поставить на почетное мѣсто. Прикладываніе къ ней продолжалось въ теченіи всего всенощнаго бдѣнія. . .

На другой день во время литургіи лишь малое количество всѣхъ богомольцевъ умѣстилось внутри часовни. Громадное же большинство ихъ оставалось за предѣлами ея на свѣжемъ воздухѣ жадно прислуши-

ваясь къ долетавшимъ чрезъ окна и на стежь открытыя двери молитвамъ и пѣснопѣніямъ.

Главный моментъ всего празднества представлялъ крестный ходъ послѣ обѣдни къ живоносному источнику у подошвы Богородицкой горы. Всѣ богомольцы стали лицомъ къ часовнѣ, изъ которой должна была показаться чудотворная икона и выстроились въ рядъ одинъ за другимъ. Какъ только икону вынесли изъ часовни они всѣ нагнулись и благоговѣйно оставались въ согбенномъ положеніи дабы дать иконѣ пройти надъ собой. Такимъ образомъ отъ вершины Богородицкой горы вплоть до самаго источника образовалась живая лѣстница изъ людей, по которой и шествовала чудотворная икона Богородицы.

Ее несли попеременно всѣ богомольцы на перерывъ, передавая ее другъ другу, такъ какъ всякій горѣлъ желаніемъ пронести ее хоть нѣсколько шаговъ, или хотя дотронуться только до нея. Такъ переходя съ рукъ на руки икона быстро приближалась къ источнику, а издали казалось что она двигалась сама собой надъ всею этою тысячною толпою, простирающею къ ней руки, плачущею слезами умиленія, взираю-

щею на нее взоромъ, исполненнымъ вѣрою и надеждою на Заступницу, ликъ коей изображенъ на ней старинным письмомъ.

Во время водосвятія надъ живоноснымъ источникомъ, одни умывали съ молитвою глаза свои, другіе руки, голову, грудь — чая исцѣленія отъ недуговъ.

По окончаніи молебна икона точно такимъ же способомъ — чрезъ спины и головы людскія — двигалась къ церкви, быстро переходя съ рукъ на руки, поверхъ тысячной толпы.

Глубоко поразило меня все это своеобразное зрѣлище: никогда дотолѣ не видывалъ я такого религіознаго восторга вѣрующихъ, такихъ потоковъ слезъ, такихъ громкихъ и выразительныхъ возгласовъ, обращенныхъ къ Богородицѣ молящимися предъ иконой ея, возгласовъ, въ которыхъ одновременно слышалась и вся сила гнетущаго горя и вся громада вѣры и возлагаемой надежды на Пречистую Дѣву — прибѣжище страждущихъ.

Тогда только во очію мнѣ стало ясно сколь велико значеніе для населенія этого края Пюхтицкаго церковнаго торжества и мѣстной святыни, не даромъ столь бережно хранимой въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ мно-

гострадальнымъ здѣшнимъ смиреннымъ сельскимъ людомъ. . . .

Понятно мнѣ стало и то, почему балтійскіе вожаки сепаратизма всегда такъ подозрительно смотрѣли на этотъ пунктъ, игравшій столь важную роль и въ дѣлѣ сохраненія національности мѣстныхъ русскихъ крестьянъ, коихъ они стремились чрезъ олютераненіе заставить забыть свою народность, и въ дѣлѣ постепеннаго мирнаго сближенія эстонцевъ съ русской *культурой*, которое вовсе не входило въ виды охранителей обособленности отъ Россіи строя и быта этой окраины. Они зорко слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось съ православной стороны какъ во всемъ Пюхтицкомъ краѣ, такъ и на самой Богородицкой горѣ.

8.

Внезапное возрожденіе обаянія православія.

Несмотря на такое важное свое значеніе Пюхтица съ нашей стороны оставалась въ полной неизвѣстности какъ святыня, въ полномъ небреженіи какъ пунктъ важный съ культурной точки зрѣнія.

Такъ все шло своимъ чередомъ вплоть до 1884 года. Въ этомъ году преосвященный Донатъ Епископъ Рижскій и Митав-

скій впервые обратилъ вниманіе на Пюхтицу: послалъ на храмовой праздникъ 15 Августа Рекельскаго священника Карпа Андреевича Тизина. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ пріѣздѣ пастыря очевидецъ.

«Въ то время, когда началась обѣдня и русскіе молились въ часовнѣ, о. К. А. Тизинъ замѣтилъ передъ часовнею и около нея праздно разговаривавшихъ эстонцевъ. Онъ поставилъ на площадкѣ передъ часовнею аналогій и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, объяснилъ собравшимся значеніе крестнаго знаменія; говорилъ онъ на основаніи ев. Луки, I, 39—49 и о почитаніи Пресвятыя Богородицы, о праздникахъ въ честь ея, подробнѣе о мѣстномъ храмовомъ праздникѣ Успенія Богоматери, наконецъ, о заступничествѣ ея за христіанъ передъ Спасителемъ и закончилъ молитвою къ Богородицѣ о мірѣ христіанскомъ, о покровительствѣ мѣстности, гдѣ въ память ея Успенія воздвигнутъ скромная часовня, и о присутствующихъ слушателяхъ. Впечатлѣніе было громадное. Съѣхавшіеся на праздникъ торговцы оставили свои разбитыя поодаль отъ церкви палатки, собравшіеся у находящейся по близости помѣщичьей

корчмы также побѣжали въ часовнѣ. Всѣ льнули къ пастырю, жадно подхватывая каждое слово его поученія, каждый звукъ его молитвы. Послѣ богослуженія на русскомъ языкѣ, по предложенію о. К. А. Тизика, эстонцы собрались въ часовнѣ, гдѣ онъ отслужилъ молебенъ Богородицѣ по эстонски и говорилъ поученіе о почитаніи св. угодниковъ и св. иконъ. Это было первое богослуженіе на эстонскомъ языкѣ въ данной мѣстности. Послѣ молебна и поученія онъ пригласилъ слушателей приложиться ко кресту, что и было исполнено всѣми присутствующими съ трогательнымъ благоговѣніемъ. Послѣ этого крестьяне подошли къ священнику, благодарили его за поученіе, прибавляя, что если бы было заранѣе извѣстно объ эстонской проповѣди, то народа собралось бы гораздо болѣе, и изъявляли желаніе слышать проповѣдь и на будущее время, если не часто, то, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, въ день Успенія Богородицы» . . .

Тогда О. Тизикъ сталъ повторять свои посѣщенія этого мѣста.

По просьбѣ мѣстныхъ эстовъ въ Пюхтицу онъ пріѣхалъ снова 28 Октября; весь лютеранскій народъ необыкновенно обра-

довался ему и въ этотъ разъ. Отбросивъ обычную свою сдержанность и угрюмость даже эсты наперерывъ заявляли ему свою благодарность, говоря, что рѣдко приходится имъ слышать слово Божіе и молитву, такъ какъ кирки отъ нихъ далеко, а пасторы къ нимъ никогда не заѣзжаютъ.

17 Февраля 1887 года О. Тизикъ снова посѣтилъ мѣстечко Пюхтицу. Не смотря на снѣжные заносы сюда собралось и на сей разъ множество народу. Явились къ пастырю и 50 человѣкъ, желавшихъ исповѣдаться и причаститься; изъ нихъ многіе пришли пѣшкомъ, сдѣлавъ десятки верстъ изъ желанія именно на этомъ мѣстѣ говѣть.

14 Апрѣля того же года О. Тизикъ снова пріѣхалъ сюда. Несмотря на весенній разливъ, не смотря на то, что населеніе, благодаря противодѣйствію помѣщиковъ и пасторовъ, не получило разосланныхъ О. Тизикамъ извѣщеній о днѣ своего пріѣзда, часовня снова была переполнена народомъ, непрерывно прибывавшимъ въ теченіи всего времени богослуженія, такъ какъ многіе изъ крестьянъ сбѣгались изъ окрестностей на звонъ колоколовъ. Для Балтійскихъ политиковъ всѣ эти факты не могли разумѣется остаться незамѣченными и они

окончательно порѣшили парализовать сначала вліяніе О. Тизика, а затѣмъ въ корнѣ уничтожить и само начинавшее вновь расти обаяніе православія. Прежде всего они съ помощью преданной ихъ интересамъ дворянской полиціи и волостныхъ старшинъ, зависѣвшихъ всецѣло отъ нихъ, употребляли всѣ средства, чтобы скрывать отъ крестьянъ время пріѣзда православнаго священника. Объ этомъ подробнѣе я еще разскажу ниже.

Затѣмъ они стали въ свою очередь посылать своихъ пасторовъ въ тѣ мѣста, гдѣ бывалъ О. Тизикъ. Пасторы Іеввескій и Исаакскій стали по очереди *еженедѣльно* объѣзжать мѣстности отдаленныя отъ кирокъ и — убѣждать народъ не поддаваться соблазну. И объ этомъ подробнѣе будетъ еще разъ говорено ниже.

Наконецъ они порѣшили просто на просто стереть съ лица земли послѣдній оплотъ православія въ Пюхтицкомъ краѣ — часовню на Богородицкой горѣ и тѣмъ затушить послѣднюю искру православную, тлѣющую до нашихъ дней и среди давно уже олютераненныхъ здѣсь русскихъ, и среди все болѣе и болѣе сближающихся съ ними на почвѣ почитанія общей святыни эстовъ.

9.

Политическая тактика балтійскихъ сепаратистовъ и гоненіе на православіе.

Обнаружившійся вновь съ пріѣздомъ О. Тизика въ Пюхтицу, ростъ обаятельной силы православія на мѣстное русское и лютеранское населеніе имѣлъ свои глубокія причины и представлялъ явленіе въ Эстляндской губерніи не единственное.

Давно переставшее удовлетворять духовнымъ запросамъ огромнаго количества эстовъ, нѣкогда насильно имъ навязанное, лютеранство было сначала ими замѣнено различными сектами то раціоналистическаго, то мистическаго характера; затѣмъ ясно обнаруживалась все большая склонность къ православію, которое своими молитвами объ усопшихъ, панихидами и проч. подавало откликъ многимъ запросамъ ихъ сердца. Склонность эта росла по мѣрѣ знакомства ихъ съ православною церковью и выразилась наконецъ въ открытыхъ переходахъ эстовъ въ православіе то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ губерніи.

Новое это религіозное движеніе эстовъ балтійскимъ дѣльцамъ показалось на сей разъ особенно опаснымъ на томъ справедливомъ основаніи, что началось оно тамъ именно гдѣ его всего менѣе ожидали — въ Гапсальскомъ уѣздѣ т. е. въ пунктѣ на-

иболѣе отдаленномъ отъ коренной православной Руси, вслѣдствіе чего нельзя было объяснить это движеніе однимъ только близкимъ сосѣдствомъ съ русскими крестьянами. За движеніемъ Гапсальскимъ послѣдовали въ томъ же году массовыя присоединенія въ Леалѣ и въ иныхъ мѣстахъ губерніи лежащихъ далѣе на востокъ. Движеніе это росло и крѣпло. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ обстоятельствахъ весь Пюхтицкій край, представлявшій собою столь зыбкую почву какъ потому, что числившіеся здѣсь лютеранами т. н. полувѣрцы оставались вѣрными догматамъ православнымъ, принимая лишь внѣшнюю оболочку лютеранства, такъ и потому, что связи съ сосѣднимъ православіемъ все еще поддерживались весьма интенсивно и мѣстными русскими и мѣстными эстонцами, нѣтъ сомнѣнія, — повторяю — что этотъ именно пунктъ подвергался при данныхъ обстоятельствахъ съ точки зрѣнія лютеранъ особенно большей опасности.

Медлить болѣе политикамъ балтійскаго сепаратизма было нельзя. Каковы же были тѣ мѣры, какія приняли въ данныхъ обстоятельствахъ эти лютеранскіе вожаки?

И на сей разъ остались они вѣрными

своему вѣками выработавшемуся національному характеру и поколѣніями усвоенной политической тактикѣ: мѣрами жестокости и насилія вооружились они противъ крестьянъ, клевету и пасквиль направили противъ всей Россіи.

Расположеніе къ православію въ Пюхтицкомъ краѣ заявлено было — какъ мы видѣли — весьма опредѣленно тотчасъ же по пріѣздѣ въ эту мѣстность О. Карпа Тизика. Открытое возвращеніе «полувѣрцовъ» въ лоно Церкви должно было начаться со дня на день. Многіе уже изъявили открыто желаніе возсоединиться. Такія же желанія слышались и со стороны лютеранъ — эстовъ. Но вотъ съ противной стороны начались притѣсненія.

Перестается чиниться дорога, по которой ходитъ крестный ходъ изъ села Сыренца въ Пюхтицу, оставаясь съ трудомъ проходимой, не смотря на неоднократныя просьбы крестьянъ, не смотря на требованіе начальства.

Взимается мѣстнымъ владѣльцемъ съ причта Сыренецкой церкви плата за право прохода къ живоносному источнику у подошвы Богородицкой горы по нѣсколькимъ

саженямъ совершенно неплодородной и ничѣмъ не занятой земли.

Принимаются мѣры для того чтобы скрыть отъ народа день пріѣзда въ Пюхтицу священника о. Тизика. Волостной старшина препятствуетъ прибивать къ дверямъ часовни на Богородицкой горѣ объявленія пастыря нашего о днѣ богослуженія въ ней; когда-же эти листки съ такими объявленіями простодушно относятся прямо къ помѣщику, послѣдній, по словамъ очевидца, съ негодованіемъ разрываетъ ихъ на клочки и изливаетъ весь свой гнѣвъ на принесшаго ихъ крестьянина. Крестьянину Рябинину дѣлаются угрозы, что его сгонятъ съ участка за то, что онъ вызвался сторожить часовню на Богородицкой горѣ.

Корчмарю Сабину за пріютъ, оказанный имъ пріѣхавшему священнику Тизику, и за извѣщеніе по порученію пастыря крестьянъ о днѣ богослуженія объявляется помѣщикомъ строгій выговоръ. Но такъ какъ Сабинъ своего поведенія по отношенію къ о. Тизику не мѣняетъ, то онъ просто на просто сгоняется и выбрасывается такимъ образомъ со всей своей семьей на произволъ судьбы, при чемъ волостной старшина Заболотный объявляетъ ему во всеуслышаніе, что изго-

няется онъ именно за то, что «помогалъ народу узнавать, когда будетъ православное богослуженіе».

Учитель народной лютеранской школы Г. Рейсбергъ, осмѣлившійся принять подъ свою кровлю О. Тизика — лишается мѣста.

Другой учитель лютеранской школы г. Тальбергъ, рѣшившійся руководить крестьянами во время пѣнія *лютеранскихъ* псалмовъ во время богослуженія О. Тизика, такъ какъ они не знали православныхъ молитвъ — а между тѣмъ просили пастыря дозволить имъ въ этой именно формѣ участвовать дѣятельно въ богослуженіи, чрезъ двѣ недѣли также лишается мѣста, не смотря на то, что имѣлъ отъ Нарвскаго и Везенбергскаго лютеранскаго духовенства блестящіе отзывы о себѣ, и какъ человѣкъ и какъ педагогъ.

Далѣе на перекресткахъ дорогъ разставляются соглядатаи, коихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы наблюдать, кто изъ крестьянъ поведетъ своихъ дѣтей во вновь устроенную русскую школу (подробнѣе, о самомъ ея учрежденіи будетъ сказано ниже), отговаривать такихъ крестьянъ совѣтами и угрозами, а о несговорчивыхъ доносить. И дѣйствительно. Вновь откры-

тая русская школа, сразу переполнившаяся учениками, изъ коихъ было много и лютеранъ, внезапно опустѣла и закрылась — за неимѣніемъ учениковъ!

Наконецъ крестьянамъ было прямо объявлено, что всякій переходящій въ православіе будетъ согнанъ съ арендпаго участка.

Угроза эта явилась какъ бы немедленно приведенною въ исполненіе примѣра и острастки ради.

Крестьянинъ Пикатъ, не взирая на предостереженія, принялъ православіе вмѣстѣ со своей семьей. Тогда арендный его контрактъ мѣстнымъ судомъ былъ признанъ не дѣйствительнымъ по жалобѣ мызнаго правленія. Вина Пиката состояла въ томъ, что онъ нарушилъ свои обязательства касательно сѣвооборота: вмѣсто ржи посѣялъ онъ на своемъ полѣ картофель. Съ точки зрѣнія закона правы и мызное правленіе и судъ: по мѣстнымъ законамъ крестьянинъ не можетъ произвольно измѣнить порядокъ сѣвооборота указанный въ арендномъ контрактѣ.

Но вотъ что поразило крестьянъ въ этомъ дѣлѣ: 1) Одновременно съ Пикатомъ были привлечены къ суду за такіе же проступки еще четверо крестьянъ — *лютеранъ,*

арендаторы того же имѣнія и въ то время какъ православный Пикатъ лишился своего участка, ихъ отпустили домой, ограничившись лишь простымъ увѣщеваніемъ впредь не нарушать арендныхъ условій; 2) Пикатъ по собственному своему заявленію въ теченіи уже 10 лѣтъ съ вѣдома мызы отступалъ отъ условій арендного контракта, а привлеченъ за это къ отвѣтственности и поплалился лишь послѣ того, какъ принялъ православіе; 3) отступленіе въ данномъ случаѣ отъ сѣвооборота объясняется дороговизною въ тотъ годъ сѣмянъ, отступленіе числа изъ тѣхъ, на которыя обыкновенно помѣщики снисходительно смотрятъ изъ собственныхъ же интересовъ, не желая отягощать безъ цѣли своихъ крестьянъ. Какъ и слѣдовало ожидать громовое впечатлѣніе оказало это дѣло на всѣхъ окрестныхъ жителей: принявшій православіе несчастный Пикатъ пошелъ по міру, превратившись вдругъ изъ зажиточнаго крестьянина въ нищаго и повлекъ въ нищету всю свою семью; а провинившіеся въ томъ же остальные четверо крестьянъ-лютеранъ продолжали благоденствовать на своихъ участкахъ.

Этимъ однако преслѣдованіе Пиката не кончилось: съ него продолжались взимать-

ся разные денежные взысканія и платежи, которые довели его въ буквальномъ смыслѣ до нищенской сумы.

Такъ было жестоко наказано открытое выраженіе симпатіи къ православной церкви не въ обществѣ людскомъ, находящемся на низшихъ степеняхъ развитія и потому фанатическомъ, но въ одной изъ тѣхъ губерній Россіи, которыя имѣнуютъ себя «уголкомъ Европы»; не въ незапамятное время эпохи средневѣковой религіозной нетерпимости случилось это, а ни болѣе ни менѣе какъ два — три года тому назадъ . . .

Всѣ угнетенія эти, которыя я только что изложилъ на основаніи свѣдѣній *вполнѣ* достовѣрныхъ, произвели на все населеніе Пюхтицкаго края панику, заставя его укрѣпиться вѣроятно еще на долго въ убѣжденіи о превосходствѣ надъ всѣми силами силы балтійскихъ верховодовъ политическихъ нѣмецкой крови, лютеранскаго вѣроисповѣданія.

Одновременно съ только что изложенными дѣйствіями политиковъ балтійскаго сепаратизма на мѣстѣ облетѣли всѣ Европейскіе книжные рынки памфлеты и пасквили, въ которыхъ съ дерзостію еле

постижимой кричалось о «гоненіи на христіанъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ Остзейскихъ провинціяхъ» Россіи, производящемся будто-бы подъ давленіемъ на общественное мнѣніе панславистовъ. Въ то же самое время пошли скитаться по всѣмъ столичнымъ нашимъ салонамъ и прочимъ сферамъ жалобы на притѣсненіе и моленія о защитѣ «добрыхъ нѣмцевъ «qui sont toujours si fidèles et toujours méconnus et qui ont le bon droit pour eux» противъ «русскихъ поповъ.»

Въ тоже время наконецъ мѣстная балтійская нѣмецкая печать бросала русской публицистикѣ вызовъ такимъ вопросомъ: «если вы, господа, утверждаете будто есты столь склонны къ православію, то чѣмъ же вы объясняете, что они его не принимаютъ — вѣдь русскіе законы, кажется, этому не препятствуютъ?!»

И этотъ пріемъ нашихъ литературныхъ противниковъ убѣждалъ многихъ легковѣрныхъ и не знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ справедливости и чистотѣ балтійскаго нѣмечества и лютеранства, въ лицѣ его верховодовъ.

Но мало было всего этого для сепаратистовъ: тлѣла еще самая искра православія; требовалось поэтому ее уничтожить.

10.

Балто-нѣмецкій натискъ на самую святыню Богородицкой горы.

Въ 1885 году на вершинѣ Богородицкой горы, *надъ самой* православной часовней, на разстояніи всего 110 саженей, выростаетъ вдругъ огромное каменное зданіе, въ которомъ предполагалось устроить кирку. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сюда былъ свезенъ матеріалъ, а въ Августѣ зданіе уже было подведено подъ крышу и недоконченною оставалась одна лишь колокольня: съ такой лихорадочною поспѣшностью производилась эта постройка.

Какъ иронію судьбы, слѣдуетъ отмѣтить, что столь ревностно и успѣшно трудилась надъ этимъ памятникомъ насилія надъ русскимъ народомъ выписанная нарочно сюда для работъ артель русскихъ же каменьщиковъ!...

Губернское Начальство узнало объ этой постройкѣ лишь, когда она предстала всеобщимъ взорамъ въ своемъ почти законченномъ видѣ.

Оказалось, что кирка эта воздвигается безъ полученія на то надлежащаго разрѣшенія отъ Правительства — самовольно и втихомолку.

Послѣдній фактъ вѣроятно покажется неправдоподобнымъ всѣмъ тѣмъ, кто не

знаетъ бытовыхъ условій, порождаемыхъ своеобразнымъ административнымъ строемъ этой окраины Россіи. Но если принять во вниманіе, что въ краѣ этомъ была въ то время въ полной еще силѣ сословная полиція, то станетъ вполнѣ ясной возможность производства цѣлыхъ сооруженій, о коихъ свѣдѣнія до губернской администраціи доходятъ лишь путемъ окольнымъ и запоздалымъ.

Постройка, какъ незаконная (такъ какъ она производилась безъ необходимаго въ такихъ случаяхъ разрѣшенія правительственныхъ органовъ), была пріостановлена высшей въ губерніи властью и началось изслѣдованіе всего дѣла.

Первоначально обнаруженныя свѣдѣнія гласили, что будто бы мѣстный землевладѣлецъ г. Дикгофъ кирку строитъ на собственныя средства, что будто бы безъ разрѣшенія началъ строить *лишь по недоразумѣнію,* полагая, что эту постройку можно причислить къ числу каплицъ, т. е. часовень (!!), для сооруженія коихъ не требуется такихъ формальностей, что мѣсто выбрано имъ по просьбѣ самихъ крестьянъ (кого именно — указываемо однако не было), а такъ какъ вся окружающая

земля принадлежитъ ему на правахъ собственности, то воленъ онъ на ней строить кирку, гдѣ ему заблагоразсудится. Наконецъ оказалось, что питается будто бы общая твердая увѣренность, что запрещеніе на постройку будетъ скоро снято, такъ какъ правительство, вѣроятно, останется вѣрнымъ историческимъ завѣтамъ русскаго народа, отличавшагося всегда вѣротерпимостью. По истинѣ достойна удивленія эта смѣлость атаки на русскую народность! Расчетъ былъ очевидно такой: разъ кирка выстроена, съ ней считаться будутъ какъ съ фактомъ, устранить же самый этотъ фактъ рѣшимости ни у кого не хватитъ.

Сколь мало однако мѣстные дѣльцы были убѣждены въ легальности своего начинанія видно и изъ самой лихорадочной торопливости работъ по постройкѣ кирки и изъ того обстоятельства, что по словамъ крестьянъ ихъ торопили доставкой на мѣсто матеріала.

Между тѣмъ болѣе подробное слѣдствіе обнаружило еще цѣлый рядъ крайне краснорѣчивыхъ фактовъ, ясно доказывающихъ истинную цѣль этого страннаго предпріятія. Оказалось, что кирка строилась съ вѣдома и благословенія лютеранской консисторіи, которая не могла не отличить

кирку отъ каплицы. Оказалось далѣе, что строитъ кирку не мѣстный землевладѣлецъ, а все дворянское сословіе, которое на это жертвуетъ значительныя средства, объ израсходованіи которыхъ отдается отчетъ на эстляндскомъ ландтагѣ. Оказалось, что немедленно же послѣ пріѣзда новаго Архипастыря, Преосвященнаго Арсенія, въ Ревель, со стороны рыцарства ему была заявлена просьба употребить все свое вліяніе къ тому, чтобы Пюхтицкое дѣло, возбужденное при его предшественникѣ, окончилось благопріятно для кирки, заявлено также, что этому дѣлу придаетъ огромную важность все дворянство. Обнаружено также, что уже послѣ наложеннаго на постройку запрета, пасторами продолжали собираться пожертвованія на эту кирку, что пасторы торопили крестьянъ доставлять матеріалъ на мѣсто постройки, увѣряли сомнѣвающихся, что разрѣшеніе продолжать постройку скоро будетъ получено изъ столицы, точно также какъ увѣряли при самомъ началѣ незаконной постройки кирки, что она производится съ разрѣшенія губернатора. Наконецъ, оказалось, говорились крестьянамъ хвастливыя рѣчи, въ коихъ ни сколько не скрывалась истинная цѣль

этой новой постройки: «чтобы лютеранскій пѣтухъ попралъ и раздавилъ восьмиконечный крестъ», «чтобы лютеранскій органъ заглушилъ звонъ колоколовъ». Хвастались при этомъ тѣмъ, что для новой кирки заказанъ въ Берлинѣ необыкновенно громній органъ. Но такъ какъ разрѣшенія продолжать остановленную за незаконность постройку все-таки не получалось, то рѣшено было оказать давленіе яснымъ заявленіемъ горячаго желанія имѣть кирку со стороны самихъ крестьянъ. Въ столицу явилась депутація, во главѣ коей стоялъ Пюхтицкій крестьянинъ Андреевъ (характерное прозвище для лютеранина!), привезшій съ собою слезное прошеніе своихъ односельчанъ, покрытое массою подписей и крестовъ. При провѣркѣ подписей этихъ однако, оказалось, что въ числѣ ихъ находились имена многихъ такихъ крестьянъ, которые даже ничего не вѣдали объ отправкѣ въ Петербургъ депутаціи, не говоря уже о томъ, что на занесеніе своихъ именъ въ списокъ, согласія не давали; въ числѣ этихъ же подписей значились крестьяне уже умершіе много лѣтъ тому назадъ, явившіеся такимъ образомъ въ роли просителей «мертвыми душами»; многія подписи наконецъ

оказались принадлежащими груднымъ младенцамъ. Далѣе заносились фамиліи даже такихъ крестьянъ, которые уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ выѣхали изъ губерніи и проживаютъ въ иныхъ мѣстахъ Россіи. Имена же крестьянъ одной изъ деревень вставлялись прямо таки по волостному списку. Наконецъ печать къ прошенію приложена была безъ вѣдома волостнаго старшины.

Наконецъ депутаты отъ крестьянъ сами заявили, что они ѣздили въ Петербургъ не на свой счетъ. . .

Таковы факты, всплывшіе на свѣтъ Божій при тщательномъ изслѣдованіи «Пюхтицкаго дѣла». Они дали истинное объясненіе загадочному факту появленія на православной Богородицкой горѣ, нежданно — негаданно, постройки, въ которой должна была быть со временемъ учреждена лютеранская кирка.

II.

Культурно-историческое значеніе Пюхтицкаго дѣла.

Пюхтицкое дѣло не будетъ для незнакомыхъ съ мѣстными условіями понятнымъ вполнѣ, если взять это дѣло внѣ связи его со всѣмъ прошлымъ лютеранства въ балтійскомъ краѣ и балто-нѣмецкаго господства на этомъ поморьѣ, равно какъ и поколѣніями сложившихся политическихъ прі-

емовъ вожаковъ балтійцевъ-нѣмцевъ по отношенію къ остальному населенію окраины и къ высшему Правительству.

Съ высокомѣрной индеферентностью относилось лютеранство (какъ нѣкогда и католичество), насажденное заморскими пришельцами на балтійскомъ поморьѣ, къ религіознымъ нуждамъ сельскаго населенія, пока не было для него страшно вліяніе иной религіозной силы. Для удержанія же въ цѣлости паствы принимались мѣры внѣшняго принужденія: не даромъ въ устахъ эстонца пасторъ является *«церковнымъ барономъ»*, столь же требовательнымъ и жестокимъ, какъ и свѣтскій «баронъ».

Но какъ скоро появляется новый факторъ въ жизни народной, съ которымъ конкурренція становится уже опасной, то рядомъ съ мѣрами принудительными, господство коихъ продолжается, прибѣгаютъ и къ пріемамъ чисто миссіонерскимъ и начинаютъ проявлять заботливость о духовныхъ нуждахъ паствы. Какъ скоро однако опасность кажется отвращенной, все вступаетъ снова въ старую колею и пасторъ, сгладившій на время свои суровыя морщины и принявшій личину пастыря добраго, снова становится гордымъ, надменнымъ, неумоли-

мымъ въ своихъ требованіяхъ «церковнымъ бариномъ». Такъ и въ Пюхтицкомъ краѣ.

До XVII вѣка православныхъ здѣсь просто на просто «искореняли». Въ XVIII столѣтіи, когда русское Правительство стало хозяиномъ въ Балтійскомъ краѣ, пасторы и бароны борятся съ русскою народностью и съ православіемъ мѣрами кротости — заботясь объ ихъ духовныхъ нуждахъ, приглашая ихъ въ кирки, строя имъ школы, изучая даже ради новой паствы столь ненавистный имъ русскій языкъ. Когда же наконецъ въ половинѣ текущаго столѣтія имъ удалось довести русскихъ крестьянъ этого края до полувѣрія, они успокоились на время, думая, что главное дѣло сдѣлано, окончательное же ихъ обезличеніе въ національномъ смыслѣ нужно терпѣливо предоставить самому времени.

Но вотъ расчеты оказались ошибочными: среди полувѣрцевъ замѣчено броженіе умовъ, клонившееся къ возврату въ лоно церкви.

Тогда снова заѣздили пасторы по деревнямъ съ поученіями, предлагая заботиться о нуждахъ паствы, стали строиться новыя кирки (Исаакъ, Иллукъ), стали возникать новыя школы. Но рядомъ съ

этимъ вновь выказался во всемъ блескѣ и національный характеръ тевтонскій и вѣковыя традиціи потомковъ заморскихъ властителей края: насилія, угнетенія, приневоливанія пущены по старой привычкѣ въ ходъ для спасенія единства и господства такъ называемой Landeskirche, а съ ней и бытовой обособленности всего балтійскаго поморья.

Такимъ образомъ дѣло Пюхтицкое является лишь однимъ изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи событій, носящихъ одинаковый характеръ и стремящихся къ единой цѣли: закрѣпленію обособленности края Балтійскаго отъ Россіи — столь выгодному для нѣмецкаго меньшинства поморья — путемъ духовной отчужденности окраины отъ прочей земли.

Этимъ цѣлямъ мѣстные дѣльцы рядомъ ловкихъ маневровъ заставляли служить даже высшее Правительство, тщательно держа его въ невѣдѣніи относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ краѣ и дерзко обманывая его: вѣдь заставили же они рядомъ дерзкихъ подлоговъ, учиненныхъ ими при изслѣдованіи Графомъ Бобринскимъ движенія въ православіе 50-хъ годовъ, самоправительство объявить движеніе

въ православіе фактомъ, вызваннымъ «оффиціальнымъ обманомъ» (!!); вѣдь заставили же они его въ ту же эпоху поставить цѣлый кордонъ изъ русскихъ войскъ вдоль всей границы Эстляндской губерніи, не пропускавшій ни одного православнаго въ эту русскую губернію, дабы предохранить отъ заразы православія лютеранскихъ ея обывателей; вѣдь заставили же они его принудить православныхъ Пюхтицкаго края нести повинности на кирку и на пастора; вѣдь представили же они нынѣ постройку на Богородицкой горѣ зданія для кирки, какъ горячее желаніе всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ подкрѣпленіе чего дерзнули подослать прошеніе съ фальшивыми подписями и депутацію, снаряженную на спеціальныя средства.

Не смотря на всѣ столь неблагопріятныя для выхода изъ лютеранства обстоятельства, православіе принимаютъ въ этомъ краѣ не одни олютераненные русскіе, принимаютъ его и эсты. Слѣдующій разсказъ о причинахъ, побудившихъ оставить лютеранство одного почтеннаго старца приведу здѣсь со словъ о. Іогансона, какъ необыкновенно *типичный* фактъ, проливающій яркій свѣтъ на новое религіозное движеніе у насъ на

поморьѣ. Доживя до 57 лѣтъ отъ роду въ лютеранствѣ, крестьянинъ собственникъ Діонизъ Кангъ въ 1886 году принимаетъ вдругъ православіе. «Что тебя побуждаетъ къ тому?» спрашиваетъ его священникъ. «Побуждаютъ меня къ этому разныя причины: во первыхъ, я ничего не желаю имѣть общаго съ пасторами и помѣщиками — отъ нихъ я не видалъ ничего добраго; потомъ мнѣ вѣра православная кажется вѣрою настоящею, апостольскою, мнѣ нравится богослуженіе въ церквахъ, а въ киркахъ не нравится; а главное — у меня *умерла мать, она мнѣ во снѣ все является и проситъ молиться за нее,* а какъ я могу молиться за нее, когда пасторъ говоритъ, что за мертвыхъ не молятся, а какъ же не молятся, когда я самъ видалъ у васъ у русскихъ панихиды со свѣчами! Я съ тѣхъ поръ покой свой потерялъ.» . . . *Поводомъ*, заставившимъ его наконецъ рѣшиться на переходъ, было по его собственнымъ словамъ *небрежное* богослуженіе пастора и испорченное вино, которое онъ употреблялъ при таинствѣ причащенія, такъ что Кангъ, причастившись въ кирхѣ, расхворался.

Нужно ли прибавлять къ этому безъискусственному разсказу коментаріи?! —

У насъ распространяются съ легкой руки балтійскихъ политиковъ и патріотовъ, росказни будто переходъ въ православіе происходитъ изъ корыстныхъ соображеній, въ расчетѣ на мірскія выгоды. Нужды нѣтъ, что никто объяснить не можетъ, какія это выгоды, нужды нѣтъ, что никто не можетъ указать на примѣры полученія этихъ выгодъ — охотно вѣрятъ этой лжи и клеветѣ и распространяютъ ихъ далѣе. И никому въ голову не придетъ заглянуть въ душу смиреннаго крестьянина — эстонца, узнать какимъ гладомъ духовнымъ мучимъ онъ подъ сѣнью раціоналистическаго и холоднаго протестантства.

12.

Какъ защищается нами народная святыня? Возсоединеніе съ православіемъ.

Какъ же отнеслась Православная сторона къ Пюхтицкому дѣлу? Что сдѣлала она въ защиту старой народной русской святыни, подвергнувшейся нападенію иновѣрцевъ?

Сдѣлала пока еще весьма мало.

Сдѣлано правда все, что можно было въ критическій этотъ моментъ, послѣ цѣлаго ряда промаховъ прежнихъ лѣтъ и прежнихъ дѣятелей. Начальство губернское пріостановило постройку зданія для кирки какъ

незаконную. Начальство Епархіальное переименовало часовню на Богородицкой горѣ въ церковь, устроило въ Пюхтицѣ постоянный приходъ, прислало сюда особый церковный причтъ, учредило Православную сельскую школу — все это уже черезъ 2 мѣсяца послѣ пріостановки постройки. Простой же русскій народъ, столь чуждый религіознаго фанатизма и нетерпимости, не отвѣтилъ на мѣры насилія лютеранъ насиліемъ же, а продолжалъ въ молитвенной тишинѣ стекаться со всѣхъ сторонъ къ дорогой ему святынѣ, творя усердную молитву и возжигая свѣчи передъ Чудотворной иконой Богородицы, краснорѣчиво, при всемъ терпѣливомъ и смиренномъ своемъ молчаніи, доказывая тѣмъ свои исключительныя права на отнимаемую у него Пюхтицу — Святое мѣсто.

Какъ ни мягки были дѣйствія правительства, вызванныя дерзостью постройки лютеранами (не признающими святыхъ Иконъ, не почитающими Богоматери) на мѣстѣ искони почитаемой святыни православными, они однако не замедлили оказать на мѣстное, гонимое за вѣру, населеніе дѣйствіе самое благотворное и ободряющее. Не смотря на притѣсненія, не смотря на

угрозы, не смотря на судьбу несчастнаго Пиката, движеніе въ лоно Православной церкви, правда робкими и осторожными шагами, но все таки пошло своимъ путемъ.

Послѣ дѣла Пиката быстро пріостановившееся возсоединеніе съ Православіемъ возобновилось лишь въ 1886 году. Сначала въ имѣніи Куртна — въ 30 верстахъ отъ Богородицкой горы возсоединились съ церковью 10 человѣкъ. Затѣмъ послѣдовали единичные случаи возвращенія въ лоно православнаго вѣроисповѣданія въ разныхъ мѣстностяхъ края, такъ что приходъ Пюхтицкій, имѣвшій при своемъ основаніи всего 165 человѣкъ обоего пола, къ концу 1886 года, т. е. ровно черезъ годъ, насчитывалъ уже 255 прихожанъ, а въ слѣдующемъ году (въ прошломъ) уже 272 человѣка, при чемъ родилось только девять, за то и умерло трое прихожанъ.

Прихожане эти живутъ разбросанно по всему Пюхтицкому краю за исключеніемъ крестьянъ деревень Овсова и Пюхтицы, которыя и легли въ самое основаніе новаго прихода. Принадлежатъ они къ народностямъ русской и эстской и занимаются хлѣбопашествомъ и промыслами. Со времени учрежденія церкви на Богородицкой

горѣ при деревнѣ Пюхтицѣ они усердно посѣщаютъ богослуженія.

13.

Смута въ умахъ населенія какъ слѣдствіе сепаратистической политики вожаковъ нѣмечества.

Характеренъ тотъ фактъ, что въ то время какъ вспыхнувшее вдругъ въ Эстляндской губерніи влеченіе къ православію имѣло своимъ послѣдствіемъ въ средѣ крестьянъ чисто эстонской крови переходы массовые, сотнями человѣкъ сразу, здѣсь, въ Пюхтицкомъ краѣ, краѣ чисто русскомъ, искони православномъ, до сихъ поръ хранящемъ, не смотря на свое лютеранство, важные завѣты Церкви (иконы, крестное знаменіе, посты, молитву Богородицѣ), движеніе къ возсоединенію съ православіемъ идетъ какъ то ощупью и робко.

Объясненіе этому явленію мы уже видѣли выше въ мѣрахъ строгости и насилія, предпринятыхъ мѣстными охранителями лютеранства. Подтвержденіе этому не трудно найти и нынѣ всякому, не бывавшему лично на мѣстѣ: чувство паническаго страха предъ лютеранствомъ и страха гоненія за измѣну ему поддерживается въ населеніи всевозможными слухами объ участи, постигшей принявшихъ православіе. Такъ въ одномъ мѣстѣ разсказывается о

наказаніи 15-тью ударами розогъ шестнадцати лѣтняго подростка сироты, будто-бы за принятіе православія, мать несчастнаго нигдѣ будто-бы не можетъ отыскать правосудія. Въ другомъ мѣстѣ разсказывается про бѣдную вдову, которой господскій лѣсничій будто-бы запретилъ собирать въ лѣсу хворостъ съ тѣхъ поръ, какъ два сына ея стали православными. Въ третьемъ мѣстѣ какой-то баронъ запретилъ будто-бы одному крестьянину показываться на его глаза послѣ того, какъ онъ перешелъ въ лоно церкви. Въ иномъ мѣстѣ ремесленнику отказываютъ будто-бы отъ работы на какой-то мызѣ по той же причинѣ. Распространены даже слухи о томъ, что фанатики топчатъ будто-бы и уничтожаютъ могилы православныхъ.

Всѣ эти факты я *не* подвергалъ провѣркѣ (достовѣрными считаю лишь сообщенные мною выше), но я не считаю возможнымъ умолчать о нихъ на томъ основаніи, что они служатъ лучшей иллюстраціей тому смущенному и угнетенному состоянію умовъ, которое переживаетъ нынѣ населеніе Пюхтицкаго края.

Это удрученное состояніе умовъ увеличивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что

многіе пасторы вооружаются противъ православія проповѣдью, въ которой они осмѣиваютъ это вѣроисповѣданіе, называютъ его «идолопоклонствомъ» и т. п. Съ такими пасторами идутъ рука объ руку многіе сельскіе учителя и волостные писаря.

Въ тоже самое время вопросъ о храмѣ на Богородицкой горѣ ставится предъ крестьянами «ребромъ». Имъ говорятъ: «выбирайте, что хотите — церковь ли вы желаете на этомъ мѣстѣ или кирку; если вы желаете церковь, у васъ отберутъ насильно вашу землю по новому закону, дозволяющему принудительное отчужденіе земли подъ православные храмы, школы и церковныя постройки въ балтійскихъ губерніяхъ, если же вы пожелаете кирку — вы останетесь на своихъ участкахъ и получите ее даромъ отъ дворянства.» Хотя въ данномъ случаѣ при отчужденіи участка подъ Пюхтицкую церковь владѣніе крестьянъ вовсе затронуто не будетъ, но это все равно — крестьянинъ развѣ додумается до этого: вѣритъ на слово и страшно боится потерять тотъ клочекъ земли, къ которому онъ приросъ.

«Если же, — такъ продолжаютъ кре-

стьянскіе совѣтчики — вы желаете кирку, а не церковь, то и не подходите къ церкви близко, дабы не показалось, что вы къ ней льнете.»

И вотъ нынѣ многіе боятся появляться на празднество 15 Августа на Богородицкой горѣ.

Кто знаетъ крестьянскій бытъ, кто знаетъ какъ велико для крестьянина, сросшагося съ землею, значеніе даже ничтожнаго ея клочка, тому станетъ ясно вполнѣ, какъ легко держать его въ своемъ полномъ повиновеніи однимъ лишь страхомъ потери для него земельнаго участка.

Съ истиннымъ прискорбіемъ заношу я на бумагу всѣ эти грустные факты, ходящіе у насъ на поморьѣ изъ устъ въ уста.

Именно нынѣ, когда въ благомыслящемъ *большинствѣ* поморянъ даже нѣмецкой крови (въ которой, кстати сказать, довольно таки много примѣси финской, по крайней мѣрѣ среди горожанъ) замѣчаются намеки на нѣкоторое уже уменьшеніе ожесточенности противъ всего русскаго, когда замѣтны проблески смутнаго влеченія — это правда — но могущаго со временемъ вырости и точнѣе опредѣлиться въ сознаніе необходимости тѣснаго сближенія окраины этой съ про-

чей Россіей, именно нынѣ невначительное меньшинство мѣстныхъ патріотовъ-сепаратистовъ старается всѣми силами и зависящими отъ него мѣрами удержать обособленность этого края, вселить ненависть ко всему русскому, возжечь религіозный фанатизмъ лютеранства противъ православія, которое на дѣлѣ попирается самими же этими вожаками.

Въ этой то фанатичной маленькой группѣ балтійскихъ дѣльцовъ и заключается корень всего зла — всей той смуты, которая сѣется въ умахъ балтійскихъ поморянъ разнаго вѣроисповѣданія и разной національности, мѣшая мирному ихъ другъ съ другомъ сближенію. . .

14.

Заключеніе.

Ровно годъ тому назадъ, объѣзжая свою епархію въ Октябрѣ мѣсяцѣ, Преосвященный Арсеній посѣтилъ Пюхтицу — святое мѣсто. Онъ — первый православный архипастырь, посѣтившій святыню, имѣющую столь громадное значеніе для цѣлаго края. По этому поводу «Эстл. Губ. Вѣд.» замѣчали въ то время между прочимъ слѣдующее: «Страннымъ можетъ показаться православнымъ, что въ Россіи обрѣлось

какъ-бы вдругъ и невзначай святое мѣсто, о которомъ они доселѣ не знали и ничего не слыхали. Да, это дѣйствительно странно, но тѣмъ не менѣе это такъ.» ...

Въ т. н. С.-Петербургскомъ періодѣ нашей исторіи множество бывало увлеченій чужимъ, множество бывало погонь за мишурными европейскими *мелочами*, прямо вредно вліявшими на органическій процессъ духовнаго роста нашей народности. Всѣ эти увлеченія забудутся и простятся эпохѣ этой во имя тѣхъ несомнѣнныхъ благъ, которыя она намъ принесла съ собой.

Но никогда не простятся и никогда не забудутся, а лягутъ навѣки темнымъ пятномъ на весь этотъ историческій періодъ, тѣ проявленія нашей духовной немощи, нашего заискиванія передъ Западомъ, нашего малодушнаго трепета передъ общественнымъ мнѣніемъ никогда не знавшей и не понимавшей насъ Европы, которыя своимъ послѣдствіемъ имѣли существенныя утраты для государства и народа, которыя умаляли наше національное достоинство, которыя позорили народную нашу честь.

Къ такимъ то проявленіямъ преступнаго легкомыслія, бездѣйствія и малодушія принадлежитъ отношеніе Россіи XVIII и по-

ловины XIX столѣтій къ русскому и православному элементамъ на Балтійскомъ своемъ поморьѣ, столь пагубно отразившееся на судьбѣ населенія Пюхтицкаго края, гдѣ предоставленная сама себѣ часть русскаго народа вѣками защищалась отъ тевтонской культуры, пока подъ сѣнью нашихъ же собственныхъ властей она не была придушена въ желѣзныхъ объятіяхъ лютеранства, навязаннаго ей сильной и властной рукой.

Плачевна участь этихъ *русскихъ лютеранъ* — «полувѣрцевъ», до сихъ поръ еще не забывшихъ завѣтовъ роднаго имъ православія.

Что же дѣлать намъ теперь въ этомъ краѣ, теперь, когда зянялась уже для Россіи заря новой исторической эры, когда зрѣетъ не по днямъ а по часамъ народное наше самосознаніе, когда нельзя уже болѣе безнаказанно насиловать чувства народности и неудовлетворять его справедливымъ запросамъ?

Что дѣлать?

Прежде всего не отступать отъ историческихъ и народныхъ завѣтовъ нашихъ: не замѣнять обычную вѣротерпимость нашу въ дѣлахъ религіозныхъ насиліемъ и

фанатизмомъ, столь нашему народу и государству несвойственными.

Но, не выходя изъ предѣловъ этого выставленнаго исторіей нашей принципа, намъ нужно ревниво оберегать и свою народность, ея честь, ея достоинство. Нельзя терпѣть намъ, чтобы разрывали безнаказанно нашу народность по клочкамъ, нельзя сносить намъ безпрекословно дерзкія посягательства на духовный нашъ міръ со стороны потомковъ заморскихъ пришельцевъ.

Народъ Пюхтицкій, ведя свою культурную борьбу и предоставленный въ своей справедливой защитѣ вѣры и національности исключительно самому себѣ, ослабѣлъ подъ тяжестью выпавшей на его долю задачи, изнемогъ подъ ударами болѣе сильнаго противника, но онъ успѣлъ съ трудомъ оберечь до нашихъ дней дорогой свой свѣточъ православія — святыню на Богородицкой горѣ, святыню, отъ которой онъ неоднократно почерпалъ притоки новыхъ, живительныхъ нравственныхъ силъ во дни бѣдствій и страданій. Теперь онъ передалъ этотъ свѣточъ нашему поколѣнію въ надеждѣ спасти его отъ попранія осилившаго его наконецъ врага. И вдругъ на нашихъ же глазахъ вѣковой культурный врагъ Пюх-

тицкаго народа, самъ не признавая ни почитанія святыхъ чудотворныхъ иконъ, ни прославленія Пресвятой Богородицы, тѣмъ не менѣе врывается силой въ самый центръ искони православной святыни на Богородицкой горѣ. Если-бы не была во время пріостановлена та постройка, въ которой была-бы установлена лютеранская кирка, мы имѣли-бы предъ своими глазами глубоко возмутительное, деморализующее, безнравственное зрѣлище борьбы двухъ сошедшихся здѣсь на вершинѣ одного и того же холма, какъ двухъ соперницъ — церкви и кирки, изъ которыхъ одна стала-бы щеголять своимъ громогласнымъ органомъ, нарочно выписаннымъ изъ Берлина, а другая — какъ бы не желая отставать — трезвонить во всѣ свои колокола. . .

И такъ, что же намъ дѣлать при такихъ обстоятельствахъ?

Мы должны обрѣтенную нынѣ святыню при всей ея внѣшней смиренности включить въ число наиболѣе дорогихъ намъ святынь: она дорога всей Россіи какъ мѣсто борьбы за цѣлость и свободу нашей народности и нашей вѣры, перенесенной съ такой стойкостью, съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ.

Мы должны святое мѣсто это выдѣлить изъ пыли и грязи повседневной мірской суеты: оно служитъ удовлетвореніемъ исключительно духовныхъ и нравственныхъ потребностей человѣческой души.

Мы должны мѣсто это (а вмѣстѣ съ нимъ и русскую народность въ Пюхтицкомъ краѣ) хранить и оберегать отъ новыхъ посягательствъ на нее: это велитъ нашему поколѣнію долгъ передъ грядущими вѣками, передъ родиной, передъ народомъ, передъ исторіей, передъ судомъ собственной нашей совѣсти.

DK 511 .E6 K4
Piukhtitsa--sviatoe miesto
Stanford University Libraries
3 6105 041 459 293

DK
511
E6K4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.